

ЭПОХА МЕРТВЫХ

ГАЛИНА ГРОМОВА

БУХТА НАДЕЖДЫ

ПЕРВЫЙ ШТОРМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Громова

Бухта Надежды. Первый шторм

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Громова Г. А.

Бухта Надежды. Первый шторм / Г. А. Громова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Цивилизация живет и цивилизация умирает. Так было до нас, то же случилось и с нами – человечество в том виде, в каком мы его знали доселе, агонизирует. То, что строили столетиями, рухнуло, как картонный домик, буквально за неделю. Кошмары из детства и бурная фантазия голливудских сценаристов воплотились в жизнь – мертвые пошли по земле, неся за собой хаос, разруху и смерть. И так повсеместно. Спрятаться нигде. Теперь просто так жить не получится. Теперь жизнь – постоянная борьба за существование, а каждый день может стать последним. И как всегда в такие моменты, когда слетает чуть видимый налет цивилизованности, в людях ярко выражаются все их качества – от звериной жестокости и подлости до героической смелости и самопожертвования. Кому-то повезло больше, и он оказался в нужном месте и в нужное время. Кому-то меньше – пришлось цепляться за жизнь всеми способами. Что ж... Настали времена, когда четко понимаешь кто есть кто. Содержит нецензурную брань.

© Громова Г. А., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Галина Громова

Бухта Надежды. Первый шторм

Интерлюдия 21 марта. 10.30 Севастополь, ул. Бориса Михайлова
. Дмитрий Матвеев

Васильковского цвета «Богдан» с синими милицейскими номерами протискивался по узким улочкам Матюхи¹. Старшина Сашка Чучукин – «кардан» местный, материл всех и вся, когда вышли на площадь Восставших и, несмотря на включенные мигалки, еле протолкались среди столпившихся на кольце перед Первой городской больницей машин, автобусов и топиков².

«И откуда их здесь столько взялось? Вроде, утренний час пик уже должен закончиться, а обеденный еще не наступил» – только и мелькнуло у капитана в голове, глядя, как по пешеходному переходу в сторону травмпункта чешет мужик, держащийся за поврежденную руку. Что там с рукой было абсолютно неинтересно – мало ли переломов случается или просто ушибов?

На сиденьях расселись ребята. Творящаяся по городу хрень не давала покоя мыслям. Особенно поставленная Мустангом задача: забрать его дочку из школы возле Портовой поликлиники. Как будто делать им больше нечего... Не Беркут, а Мери Поппинс на выезде. Но приказы не обсуждаются, сами знаете. Это распоряжение шефа откровенно пахнет превышением должностных полномочий. Хотя, будь на его месте Митрофанов, то неизвестно как бы тот поступил в такой ситуации.

Когда автобус уже завернул на улицу Бориса Михайлова, что находилась в Гагаринском районе недалеко от Камышовой бухты, «кардан» открыл форточку, достал сигарету и, отвлекшись, чиркал зажигалкой, чтобы прикурить. Глухой удар, хруст и резкий взрыв матерщины Чучукина, не особо вглядывавшегося на дорогу, отвлек капитана от размышлений. Через несколько секунд Дмитрий и «водителя» уже стояли возле передка «Богдана» и рассматривали вмятину в бампере и капоте. Сашка непрерывно выдавал все новые словарные обороты известного содержания. Митрофанов несколько секунд рассматривал тело, лежавшее под автобусом. Его затащило недалеко, не дальше картера «дрыгателя», но, видимо, слегка протащило по асфальту... Вот ведь попадос!

– Сашка, етить твою в три Бога сердцу мать! – с досадой почесывая затылок, наконец, изрек Дмитрий. – Ты че, старым вялым келдышем сделан?! Я тебе сейчас ту сигарету запихну туда, куда бы ты не хотел! Ты какого лешего на дорогу не смотрел?! Теперь нам ВэБэшники и прокурорские устроят «тихую Варфоломеевскую ночь»!

– Тащ капитан, да только на секунду отвлекся! – начал оправдываться Чучукин. – Кто ж знал, что этот придурок зачатый в пьяном угаре под колеса ползет?! Вот ведь твою крестадушусердцумать!

– Эй, Панасенко! – крикнул в салон автобуса капитан, – Вызывай скорую и гайцов. Остаешься с Чучукиным и обеспечишь охрану места происшествия до прибытия «банной команды». Остальным – на выход и пешочком на задачу. Панасенко, смотри мне, чтоб ни одна галимая лань тут не шлялась! И за этим Шумахером пригляди, чтоб не сбежал. Иначе задницу твою на британский флаг порву.

– А шо за «банная команда»? – спросил Панасенко.

¹ Матюха – район, ограниченный улицей Л.Толстого, улицей Руднева и улицей Ленинградской

² Топик – (местный слэнг) маршрутное такси

– Прокурорские, гайцы и остальные мозгоклюи. А «банная» потому что приезжают и начинают «пАрить».

– А ты, мой маленький мордатый друг! – уже обращаясь к Сашке, – Разминай анус и готовься к «дрючбе» с прокурорскими и остальными мужеложцами. Вазелин еще нужно заслужить! Сука, мля, понабирают по объявлению... Чучукин! Стране нужны герои, а манда рожает идиотов, таких как ты! Ты когда-нибудь имел дело с прокурорскими?

– Нет. – Покачал головой поникший водила.

– Ну ничего, поимеешь... Сейчас приедет их «граф Дрюкало», попьет твоей кровушки и собьет «пыльцу девственности». Так что готовься к анальной дефлорации, Саня.

Неожиданно, медленно поднялась рука «терпилы», ухватила за тягу рулевой рейки и, перевернувшись на живот, неловко царапая ногтями асфальт, «жертва» начала выползать наружу.

– Нихрена себе расклады! – удивленно проговорил Митрофанов, наблюдая за неожиданными телодвижениями «жмура». – Ну, че вы встали как папашины харитоны после виагры?! Бегом за аптечкой! Окажите помощь человеку!

– Да уж, чувак, ну и видок у тебя, – хмыкнул уже с некоторой долей облегчения «кардан», – Как у Му-му после всплытия.

– Йо-о-о-о! – взвыл капитан, заметив, что у наполовину вылезшего из-под автобуса «терпилы», вырвана гортань и пищевод, когда тот поднял голову. – С-с-сука! Как ты еще живешь?!

– Тащ капитан! Не подходите к нему! – крикнул Пашка Иванов, по кличке «Паштет» и схватил Митрофанова за рукав.

– Паштет, че за херню ты городишь?! Как не подходить?! – опять дернулся в сторону потерпевшего Дмитрий, но Паштет снова схватил его за руку, не давая капитану приблизиться к лежащему под машиной мужику. – Ты видишь, какие раны у него?! Хочешь, чтобы он загноился и Чучуку под срок подвести?!

– В общем, я тут по аське на мобилке с девушкой своей сейчас общался, пока ехали... – как бы оправдываясь, сказал Павел, под тяжелым взглядом Митрофанова отпуская его рукав. – Она у меня в Москве учится. Говорит про каких-то зомбей и живых мертвецов. По ее описанию этот чувак очень даже похож...

– Ты че, о сосну уе...ся?! Какие на хер ходячие мертвецы?! Что курит твоя девушка?!

– Да ниче она не курит. – Покачал головой Иванов. – Просто так она бы такое не говорила. Сидит дома и боится выходить.

Дмитрий глянул на встревоженное лицо подчиненного, потом на шевелящегося пострадавшего и снова на Паштета.

– Ладно, есть у меня корефан-сослуживец бывший, подался он гастером в Москвабад. Сейчас ему позвоню. Но смотри у меня, Паштет, если инфа не подтвердится и «терпила» загнется – посажу тебя. Блябуду, посажу! – сказал Митрофанов и достал из верхнего кармана разгрузки мобилку.

Быстро нашел в телефонной книге российский номер Славки Овчарука – сослуживца-собутельника по 5-й отдельной механизированной бригаде, в которой они оба служили во время ввода украинского контингента в Ирак. После ротации оба уволились из «Разоруженных сил Украины», помыкавшись на гражданке, Димка пошел служить в «Беркут», а Славка – подался на заработки в «нерезиновую». Несмотря на то, что Митрофанова турнули из армии по НССу³, капитана с огромным желанием приняли в МВД, потому что опыт боевых действий никогда не бывает лишним в их подразделении. Дмитрия на беседу даже сам начальник Севастопольского управления вызывал и «подписался» за него, ибо вакантных должностей было больше, чем людей.

³ по НССу – неполное служебное соответствие

Гудки вызова. Первый, второй, третий... «Терпила» уже почти выполз на руках из-под автобуса и повернул лицо в сторону капитана. Пока Дмитрий дожидался ответа Овчарука, его взгляд случайно упал на глаза потерпевшего. Капитан еще никогда такого не видел: белесые, полные бессмысленной, немотивированной злобы глаза. От чего офицер невольно вздрогнул и отвернулся. Звуки зуммера вызова казались неправдоподобно долгими, как будто их специально кто-то растягивал во времени. Славка чуть ли не единственный человек, которому Митрофанов верил безоговорочно.

– Да, Димец! – наконец-то отозвалась нокиавская трубка голосом Овчарука. – Только быстро! Тут полный звездец и ахтунг творится!

– А что именно?! – неожиданно для себя очень громко крикнул капитан, услышав на заднем фоне звуки перестрелки.

– Димон, ты меня знаешь! Никогда чарс или еще какую херь не курю и психом никогда не был. Тут как в фильме ужасов – мертвецы ходят, жрут людей. Медики с ментами как трипперные зайчики по Москве мотаются. Слышишь стрельбу? Так это они валят зомбаков. Недавно прораба пришлось завалить – приперся уже мертвым и давай кусать да жрать молдаван. Я его «уговорил» лопатой по чердаку. В общем, слушай вниматочно и сосредоточенно: если у вас такая же хрень творится – не подпускай к себе и не давай укусить. Обязательно пробивай мозг! В другие места – в пользу нищих. У мертвяков первый признак: травмы несовместимые с жизнью, бледный вид, как и полагается покойникам, и белесые глаза. Да сам, если что, увидишь. Короче...

Неожиданно звонок прекратился – скорее всего, закончились деньги на счету. Впрочем, Дмитрий услышал основное, так что теперь необходимо было действовать – машинальными, отточенными годами, привычными движениями щелкнул предохранителем, передернул затвор и вскинул АКС-74.

Увидев движения командира, бойцы врассыпную отскочили из предположительного сектора обстрела. Мало ли рикошетом достанет. Тем не менее, капитана никто не попытался остановить – раз он что-то делает, значит, так оно и надо. Прозвучал одиночный выстрел, визг пули, отскочившей от асфальта куда-то вверх. «Маслина» вошла «терпиле» чуть выше правого виска, оставив там аккуратное входное отверстие. Левая щека, ухо и нижняя челюсть, были разворочены при выходе, а ошметки мозгов оставили на асфальте серый, с едва заметными красными вкраплениями, «натюрморт» в стиле «Человек. Вид изнутри».

– Тащ капитан, че это только что было? – сдавленно спросил Чучукин, глядя на ошметки мозгов, которые попали ему на носок берца. – Вы ж себя под статью подвели!

– А ну тихо! Подошли сюда все! – поставив АКС на предохранитель и, дождавшись, пока остальные члены группы подойдут поближе, сказал Митрофанов. – Все видели, ЧТО именно только что произошло?! Так вот, мужики, если хотите выжить, слухай меня в три уха и на ус мотайте, нет усов – на уши, как вырастут усы – перематаете. Я завалил не человека, а зомби, как ни странно или абсурдно это ни звучало. Все знают поставленную задачу?! Чистим школу, ищем дочку командира, а также эвакуируем всех живых, кого сможем. Никого не оставлять: живых – с собой, зомбей – валить. Патрики экономить, валить в голову и наверняка. И самое главное – к себе близко никого не подпускать! Иначе – смерть. Любая мельчайшая царапина, или, не дай Божэ, укус – моментальная смерть. Потому что я сам такого завалю. Сразу и в башню... В здании, работаем пистолетами – чтобы рикошетами своих не задеть. Как всегда, делимся на три группы: штурмовую, огневой поддержки и обеспечения. Штурмовая группа: Паштет, Панас, Шило и Миха. Командир – Миха. Огневая поддержка: Кирпич, Завгар и Грек. Грек – за старшего. Обеспечение: Чук, Семен и Лось. Семен и Лось – на «ваньке». Лось – рулишь группой. Эфир болтовней не засорять! Это тебя касается, Паштет! Еще одна твоя пиздахаханька по рации – вешайся! Позывные у всех по кличкам. У меня – Митя. Вот только пусть кто-нибудь попробует в жизни так назвать...

– Товарищ капитан, а как определять кто свой, а кто зомбак?! – спросил сержант Шиловский, по кличке Шило. – Против террористов-то и бандюков все понятно, ну там ориентировки, фотороботы, ну или с оружием. А тут непонятки. Сами знаете, что в горячке и своих завалить недолго.

– Шило, ты мля чем слушаешь? Тампаксы из ушей повытаскивай. Специально, для тех, кто в танке, говорю большими буквами! Визуальные травмы несовместимы с жизнью, белесые глаза, пытается тебя укусить или еще как травмировать. Живые будут стараться спрятаться, зомбаки – нет. Ясно?! Дальше... Чистим сначала первый этаж, эвакуируем тех, кто остался, переходим на следующий. И так, пока до крыши не дойдем. Группа обеспечения, вдумчиво, с расстановкой осматривать выживших, особенно тех, кто на одежде или коже имеют следы крови. Если есть раны, похеру какие – сразу пристегивать наручниками к любой более-менее крепкой, железобетонной херне. Потом будем разбираться, кто есть ху. Если из живых кто-то поставит кеды в угол – не раздумывая пробивать черепушку. Обращаю внимание всех – стрелять только в головы. Пленные нам не нужны. Все остальное – как обычно. Панас, ты вызвал скорую? Им тут х...м кинуть, чтобы приехать, а фиг нарисуешь. – Намекнул капитан на находящуюся по этой же улице в паре кварталов от школы, станцию скорой помощи. – Свяжись с базой, пусть подкрепление присылают. Эх, посадить бы еще снайперов на высотки... Ладно. Пока все. Всем все ясно? Работаем. Разойдись.

Бойцы облачились в экипировку и, привычно, слегка подгоняли ее, изредка подпрыгивая на месте, проверяя, чтобы ничего не звенело, не стучалось или не брнчало. Включили тактические рации, проверили связь. Митрофанов еще раз построил группы, просмотрел каждого спецназовца, оставшись удовлетворенным, дал команду на выдвижение.

И без того редкие прохожие, завидев вооруженных людей в приметных серых камуфляжах, в полном облачении, старались обойти их десятой дорогой, а проезжающие автомобилисты и вовсе рисковали попасть в ДТП – так выкручивали шеи.

Впереди шли штурмовики, разбившись по парам, перемещаясь по обеим сторонам улицы, чтобы в случае чего, каждая из двоек могла прийти на помощь другой. Огневая поддержка заняла позиции по обеим сторонам улицы, чтобы в случае чего взять противника в огневой мешок. Дмитрий шел вместе с группой обеспечения.

– Это Миха, у входа в Портовую поликлинику наблюдаю группу из пяти человек в медицинской одежде с ярко выраженными следами крови. Как-то странно они себя ведут. – Передал командир штурмовиков.

– Да я тоже их вижу. Присмотрись, нет ли ран или иных повреждений.

– У них рожи в крови, как у вампиров, мля!

– Ликвидировать! – отдал приказ Митрофанов.

– Еще раз повторите приказ!

– Ликвидировать! Вашу мать!

– Принял!

Раздались одиночные выстрелы и фигуры, в бело-зеленых одеждах последователей Гипократа, коротко дернув головами от точных попаданий, изломанными страшными куклами падали на асфальт и больше не шевелились.

– Это Миха. У меня минус два.

– Я Паштет – минус один.

– Здесь Панас – минус один подтвержденный.

– Я Шило – у меня минус один.

– Осмотреться, при обнаружении людей с малейшими признаками ненормальности, открывать огонь без команды. О готовности к выдвижению доложить. Грек, меняйте позицию. Открытие огня без команды и вас касается.

– Миха принял.

– Грек принял.

– Грек – Мите. У меня «двести два»⁴. Готовы прикрыть перемещение Михи.

– Это Михи. У меня «двести два», готов к выдвиганию.

– Митя Михе: приступайте. Следующий рубеж: первая пара – крыльцо магазина «Лидер», вторая – угол забора школы. Повторяю, огонь открывать по подозрительным лицам без команды.

– Принято.

– Митя – Завгару. Подгоняй бус к школьным воротам. Двигло не глуши.

– Завгар принял. Выполняю.

– Я Паштет, – прозвучал в эфире голос Пашки Иванова. – Замечена неподвижно стоящая группа школьников.

– Я Михи – подтверждаю. Наблюдаю кровь, у некоторых рваные раны лица и рук.

– Митя – второй группе: давайте через дорогу к школе.

Не успел капитан отдать приказ, как от «Лидера» с его черно-желтой вывеской рванули через дорогу две коренастые фигуры – Панаса и Шила. Грек в это время усиленно крутил стволом по сторонам, а тут и Чучукин подогнал автобус, рыча движком на всю округу, как раненый мамонт в брачный период.

Со стороны школьного забора, возле которого как раз оказались Михи с Пашкой прозвучали выстрелы.

– Паштет: минус два... Мля, мужики, это же дети!

– Я – Михи. Подхожу поближе. Нужно осмотреться.

– Аккуратней там! – посоветовал Дмитрий, крепче перехватывая автомат.

– Я Панас – захожу вместе с Шилом и Михой.

Через какое-то время эфир заполнил отборный мат, исходящий из глоток бойцов штурмовой группы, вперемешку со звуками автоматной стрельбы.

– Докладывайте! – рявкнул Митрофанов, даже забыв представиться.

– На нас напали. Повторяю – напали.

– Кто?

– Паштет на связи. Нападавшие – школьники. Дохлые. Совсем дохлые – даже проверять не надо. Их много.

– Как обстановка? Удерживать можете?

– Пытаемся. Прут со всех сторон.

– Идем на подмогу! Грек, Чук, Семен, Лось, бегом арш! – рявкнул Митрофанов, на бегу снимая «калаш» с предохранителя и передергивая затвор, чтобы в любой момент можно было открыть огонь по противнику. По новому виду противника.

Грохоча тяжелыми армейскими ботинками по серому покрытию потрескавшегося асфальта, мужчины буквально влетели в распахнутые ворота школьного двора, где сразу же был виден весь происходящий ужас. Посреди двора – как раз на том месте, где обычно проводились праздничные линейки – заняв круговую оборону, стояли парни. Мишка с Паштетом заняли левый сектор обзора, Шило – правый, Панас же подстраховывал тылы, но как только заметил подмогу, тут же переключился на правый сектор.

А детишки перли и перли! Кто выходил качающейся походкой из огромных дверей храма знаний, кто вываливался, хромя из-за угла школы. Дмитрий мог поклясться, что и в окнах прижимаются к стеклам своими бледными лицами мертвые ученики.

Рассуждать о природе этого явления было некогда, автоматный треск и ветвистая армейская ругань заглушили все мысли. Думать будем потом. Сейчас другая задача.

⁴ двести два – все в порядке

На школьном крыльце появилась девочка в ярко-розовом свитере, щедро залитым кровью, кровь была и на ее лице, и на руках. Девочка на какое-то мгновение остановилась, будто оценивая обстановку и довольно шустро, по сравнению с остальными учениками, бросилась на беркутовцев. Пуля настигла ее практически за пару метров до опустившегося на одно колено Семена, тщедушное неживое тельце дернулось и по спиралевидной траектории упало на пол.

Сколько таких худеньких, невысоких детских тел скопилось на этом дворе, сказать сейчас было сложно – никто их не считал. За спиной, со стороны улицы послышался какой-то крик. Дмитрий обернулся глянуть, кто же там волает так, что его слышно даже сквозь весь этот грохот. Крикуном оказался какой-то мужик, оказавшийся рядом по стечению обстоятельств. При виде того, как отряд «Беркута» расстреливает школьников, он не бросился уносить поскорее ноги, как это бы сделало девяносто процентов населения, а попытался урезонить вояк, давя на их совесть. Лось, контролировавший тылы и Чучукин, высунувшийся из кабины, пытались втолковать чересчур деятельному гражданину, что все не так, как кажется на первый взгляд и что ему лучше уносить отсюда ноги, но дядька не поддавался. Шаря в кармане в поиске мобилки, мужик побежал прямо по направлению группы, крича на бегу, чтобы дети убегали и прятались, пока один из умерших детишек не вцепился в удивленное при виде белесых глаз и мертвенно-бледной кожи лицо мужика. Дядька захрипел, пытаясь оттолкнуть от себя странного бледного высокого пацана-старшеклассника, но тот мертвой хваткой держался за плечи прохожего и смачно впивался тому в щеку. Боль была нестерпимой, что-то горячее, наверное, кровь – мелькнуло в сознании, стекало по шее и затекало за воротник дешевой куртки, оставляя липкий след и неприятные ощущения.

Наконец, мужику удалось вырваться из смертельных объятий. Зажав изгрызенную щеку рукой, дядька со всех ног дернул вон из этого ада, вспоминая, что здесь неподалеку поликлиника, куда и направился.

– Вот придурок! – коротко бросил Дмитрий.

– Ага. И не жилец... Может, пристрелить его стоило? – поинтересовался Пашка.

– Вот откинется – тогда и пристрелим, а пока он жив – он гражданин этой страны, которых мы поклялись защищать. – С излишним пафосом ответил Дмитрий.

Поток детишек с каждой минутой уменьшался, но вот со стороны улицы от Завгара поступали доклады о медленно приближающихся покачивающихся фигурах. Значит, такое творится не только в школе.

– Митя, что это за муйня?! – тяжело дыша, спросил Шило, сменяя рожок автомата и переводя взгляд на напряженное лицо командира. – Это же дети... Мы сейчас туеву хучу детишек положили...

– Ага, дети! Цветы жизни, мля... Как же... Ты видел, как тот ребенок мужику в лицо вцепился... Нет, права была Пашкина подружка – зомбаки они. Смотрите, – Панас подошел к ближайшему трупику, чье тело попавшие пули практически превратило в фарш, но то, что когда-то было ребенком, с перебитыми ногами все равно пытался ползти в сторону людей. – Ты видел когда-нибудь чтобы после таких ран выживали?

– Ну, может, он на адреналине... – все равно упрямо гнул свое Шило.

– Ни фига себе! На адреналине! – подключился к разговору Чук. – Да тут конская доза должна быть...

– Уймись! – коротко бросил Дмитрий и выстрелил в голову мальчишке, который сразу же затих. – Давайте все разговоры потом. А сейчас у нас есть дело...

– Дим, а как мы дочку-то шефа найдем? Мы ее и в глаза-то не видели... – задал резонный вопрос Паштет.

– Точно! – Матвеев извлек из нагрудного кармана небольшой фотоснимок, где шеф держал на руках пухленькую девчушку с задорными каштановыми косичками. – Изучите... Заодно нужно проверить этих, что на улице – мало ли...

Парни по очереди просмотрели фотографию, запоминая черты лица девушки, а потом разбрелись по небольшому двору, всматриваясь в лица упокоенных школьников. Кто-то не выдержал и проблевался – Дмитрий определил его как Чука, судя по виднеющейся из-под «гондонки» рыжеватой шевелюры.

– Ну что? Есть результаты?

Парни только развели руками и отрицательно покачали головой.

Предстояла зачистка здания. Ничего для них нового или сверхъестественного, тем более учитывая типичность планировок зданий школ – все как везде – буква П, где с одной стороны столовка и спортзал, а со второй – крыло начальной школы.

В спортзале нашли выжившего... И это было бы смешно, если бы не было все так печально. Когда штурмовая группа ввалилась в спортзал, то увидела следующую картину – практически под потолком на толстом канате, обхватив тот руками и ногами, висел перепуганный пацан, а под ним стояло несколько мертвых тварей, щеривших в сторону акробата морды и протягивая руки, словно жрецы, посылающие свои мольбы к богам...

Но боги были благосклонны к пацану под потолком. Штурмовики двумя залпами снесли головы тварям и крикнули парню спускаться, но тот только покачал головой.

– Пацан, не дури! Спускайся! Здесь безопасно!

– Н-не м-могу! Р-руки н-не слуш-шаются, – засипел еле слышно тот.

– Беда... – проговорил Миха, прекрасно понимая, что с пацаном. От напряжения руки затекли, и без посторонней помощи тот просто не мог их разжать. – И что делать будем?

– Я сейчас полезу к нему. А вы из подсобки под канат все имеющиеся маты стаскивайте, – вызвался Пашка, забрасывая автомат за спину. После чего, высоко подпрыгнув, словно Маугли начал карабкаться по раскачивающемуся в такт его движениям канату.

Пани быстро притащили маты, накидав их в несколько слоев прямо поверх трупов. Но вряд ли даже несколько слоев спрессованной ваты спасут от падения с пятиметровой высоты... Хотя... как знать.

Паштет практически добрался до пацана, который все еще продолжал нервно трястись. Кое как он разжал ему одну руку, отчего парень чуть было не свалился, но вовремя среагировал и удержался второй рукой, помогая перекрещенными ногами. Потихоньку вместе с Пашкой пацан начал двигаться вниз, по пути что-то рассказывая. Как потом оказалось, в восьмом классе, где как раз учился этот парень, был урок физкультуры, во время которого и появились первые зомби. Тогда парень как раз сдавал зачет по лазанию по канату – да так и остался под самым потолком, наблюдая, как погибают и воскресают уже в иной ипостаси его одноклассники. Когда, наконец, Пашка с пацаном спустились, то его быстренько вывели к автобусу.

Шефовой дочки так и не нашли. Ни живой, ни неживой...

Да и во всей школе выживших тоже было немного. Помимо акробата-Тарзана из спортзала еще одиннадцатиклассники практически в полном списочном составе. Им посчастливилось оказаться во время начавшегося кавардака на уроке ДПЮ⁵, учитель которого – тертый калач, удивительно быстро сориентировался и забаррикадировал класс.

Конечно, преподаватель не мог знать, что нападавшие являлись зомбаками. В переполохе он решил, что теракты и захваты заложников из соседней страны перекочевали в «Нэньку», вот и действовал так, как считал нужным. А просчитал он все верно, чем и спас почти двадцать жизней.

В переполненном автобусе на базу возвращались в полной тишине...

Задание было не выполнено.

23 марта Севастополь, Северная сторона. Степан Рогов

⁵ ДПЮ – допризывная подготовка юношей

Степан Рогов за свои недолгие тридцать лет повидал всякого, но то, что творилось в родном Севастополе за последние три дня, не вписывалось ни в какие рамки. Эти три последние дня были настолько наполнены разнообразными событиями, что голова шла кругом.

Сначала от него ушла его дражайшая супруга. Вот просто так, толком даже ничего не объяснив, собрала вещи и «адыю»! В тот же день в городе начались те самые события, которые вынудили Степана бросить работу, квартиру и податься к своим родственникам в село, что на Херсонщине.

На соседнем кресле автомобиля сидел Мишка Яковлев – когда-то Степа учился с ним в одном классе, а вот теперь, спустя более чем десять лет судьба вновь свела их вместе... Да еще как! Степан спас Мишку с приятелем от разъяренной толпы оживших мертвецов, которые наводнили город. Но, как говорится, от добра добра не ищут. Это Степан понял после того, как приятели попросили его подкинуть их в Инкерман – некогда отдельный город, а теперь один из удаленных районов Севастополя.

Там что-то произошло. Что именно, Степан мог только догадываться, но Миха и его приятель по кличке Пуля вернулись оттуда возбужденными и с пистолетом.

Степа с новоиспеченными поделщиками вырулили из Инкермана, Мишка настоятельно порекомендовал направиться в сторону Северной стороны. Его рекомендации в виде вороненого ствола пистолета носили строго обязательный характер и сомнениям не подлежали, поэтому Степан, стиснув зубы, направил Шевроле в нужном направлении.

Не сказать, чтобы трасса была сильно загружена, но поток машин превышал обычный, поэтому и число аварий на дороге удвоилось. Уже мимо нескольких разбитых машин посчастливилось проехать.

– Куда мы едем? – поинтересовался Степан.

– Прямо! – ответил Пуля, негромко хихикнув, чем только вызвал очередной приступ досады и огорчения у Степана.

– А серьезно? – переспросил тот.

– А серьезно – на Бартеньевку! – убрал пистолет Яковлев, глядя через стекла автомобиля на проносящиеся мимо пейзажи. – Ты, Степик, не очкуй! Сейчас поедим по одному адресочку – отсидимся там. Да и пожрать-то не мешало бы, нах! Ты как, на счет пожрать, Пуля?

– Да я бы и не только пожрать... – показал многозначительный жест тот, обозначающий в научных кругах совокупление особей противоположного пола с целью продления рода, то бишь размножения.

– Гы! – издал неопределенный звук Миха, скривив в ухмылке рот. – Это дело...

Степан старался не делать вид, что испуган, но в голове уже прокручивались сценарии, как бы поудачнее слинять! Но пока у бывшего одноклассника был пистолет, это было весьма и весьма затруднительно, так как сомнений, что тот применит оружие по назначению, у Рогова не возникало. Ладно, пока подыграем им, а там поглядим...

Возле заправки, что была на развилке, ведущей на Мекензиевы горы, названные в честь англичанина, поступившего на службу в русский флот в середине восемнадцатого века, и прославившегося строительством города на берегах Ахтиарской бухты, была какая-то потасовка – несколько мужиков с упоением колошматили друг друга. Степан, не останавливаясь, проехал мимо, на развилке свернув на дорогу, ведущую к Северной.

– Что будет со мной? – задал, наконец, так волновавший его вопрос Степан, мысленно ругая себя за то, что согласился помочь однокласснику, оказавшемуся бандитом и уголовником.

– А что с тобой будет, нах? – переспросил Миха, прищулив один глаз. – Веди себя хорошо – и проживешь долго и счастливо... И не надо так зыркать на меня. Я б тебя порешить мог еще

там, в Инкермане, но по старой памяти и за то, что подобрал нас с Пулей на дороге, решил не трогать и дать шанс влиться в наш дружеский коллектив. Да, Пуля?

– Да чё ты с ним бакланишь?!

– Спокойно, Пуля. Я тебе говорил, Степик – мой школьный корефан, так что попустишь чутка...

– Ехать куда дальше? – буркнул Степан, проезжая железнодорожный переезд, что перед Братским кладбищем, на вершине которого виднелась пирамида Свято-Никольского храма с огромным каменным крестом. Это был единственный в городе храм, в котором не венчали пар, решивших объединить себя узами Гименея.

– Пока езжай прямо, а сразу после пустыря сверни направо, а потом опять прямо. Дальше я покажу.

Степан, как и сказал Яковлев Миха, проехал мимо пустыря, идущего вдоль забора старого кладбища и заканчивающегося дорогой, на которую они и свернули. На этом пустыре частенько местные пацаны гоняли в футбол, не смотря на то, что периодически там же выпасались лошади, оставляющие после себя «минные поля». Теперь же мальчишек, естественно, не наблюдалось – только несколько медленно бредущих фигур, чья манера ходить тут же выдавала в них мертвецов. Причем один из зомбаков был священником – даже перепачканная в весенней грязи одежина выдавала своего владельца с потрохами.

Интересно, много ли людей бросились в храмы и церквушки, чтобы замаливать свои грехи, а там уже, искушенные, оборачивались и начинали кусать других? Наверное, достаточно. Народ вообще отличается таким свойством, как стремиться в церкви во время каких-либо неурядиц или в трудные времена, пытаясь найти душевные силы при общении с высшими силами.

Этот район был в большинстве своем состоящим из домов частного сектора и всего нескольких унылых серых многоэтажек, стоящих вдоль основной дороги. Поэтому и зомбаков было не в пример меньше, чем в городе. Все-таки сказывалась малая кучность населения. А вот дальше, где начинались девяти и двенадцатиэтажные дома дела должны были обстоять намного серьезнее. К тому же две поликлиники, станция скорой помощи и отделение милиции должны были только усугубить эту ситуацию. Решение двигаться к родственникам в деревню все сильнее и сильнее казалось единственно верным.

– Еще немного... Все, возле тех ворот тормози!

– Пуля, вылазь, нах! Надо будет с Коляном добазариться! – Сам Миха остался в машине, снова достав ствол. – Советую тебе не делать резких движений – целее будешь!

Пуля выбрался из машины, огляделся по сторонам в поисках подкрадывающихся зомбаков, коих не обнаружил, и двинул к огромным зеленым воротам, в которых была вырезана калитка. Звонка не было, поэтому преступник со всей дури несколько раз ударил носком ботинка в полотно ворот, тут же отозвавшееся гулким звоном.

– Колян! Открывай! – во всю глотку заорал Пуля, повторяя снова и снова удары по калитке.

Во дворе заголосила собака, а вслед за ней и соседские псы подтянулись – началась громкая гавкотня на всю улицу.

– Кого там черти принесли? – раздался по ту сторону ворот ворчливый голос, еле слышимый из-за бреха пса.

– Колян, мать твою! Отворяй! Это Пуля с Михаем!

Грюкнула железная щеколда и калитка немного приоткрылась, сквозь неширокую щель просунулось дуло старенького одноствольного ружьишка.

– А ну-ка! Два шага назад, чтобы я тебя видел. А то шас кого только по улицам не носит... И, действительно, Пуля... Чего тебе? – недовольно буркнул мужик. – Зачем пожаловали? Не звал я вас.

– Отсидеться надо.

– А там кто? – мужик махнул стволом в сторону грязного Шевроле.

– Там Михась с корешем.

– Что за кореш?

– Это ты у Михася спрашивай. Его кореш – его и спрашивай.

– Отсидеться, говоришь? А что уже натворили?

– Да ничего, Колян! Просто ищем безопасное место, а то сам, наверняка, знаешь, что творится...

– А я тут при чем?

– Колян, ну не чужие же... не выгонишь же нас?

– Ладно! – кивнул мужик после кратковременного раздумья. – Загоняйте машину!

Хозяин дома закинул ружье на плечо и начал раскрывать створки ворот. Во дворе все так же заливалась лаем собака, дергаясь в сторону открывающихся ворот, натягивая цепь, держащую ее, практически до предела.

– Давай! Заезжай! – коротко бросил Миха, как только створки ворот достаточно открылись, чтобы протиснулся Шевроле.

Степан немного надавил на педаль газа, и автомобиль аккуратно вкатился во двор, после чего парень заглушил двигатель и выбрался из-за руля. Следом за ним, протиснувшись мимо наваленных сумок, выскочил Буль, прижимаясь к ногам хозяина.

– Здоров, Колян. – Протянул руку хозяину дома Мишка.

– Ну, здоров, Михась! – Пожал протянутую руку в ответ здоровяк. – Каким ветром принесло?

– Да вот... пересидеть пару деньков надобно. – Мишка почесал рукой подбородок. – Пока вся эта неразбериха на дворе не успокоится.

Яковлев многозначительно кивнул за спину, намекая на все то, что творилось в городе за последние три дня. Хотя сейчас было потише – ни тебе сирен “скорой помощи”, ни стрельбы... хотя последняя долго себя ждать не заставит – иногда все же слышались хлопки пистолетов или присущий для автоматной очереди звук. Но где именно стреляли сказать было сложно – все же над водой звуки распространяются быстро.

– Думаешь, что оно все само рассосется? Даже бодун сам по себе не рассасывается.

– Ну, посмотрим, – философски заметил мужчина, не забывая оглядываться по сторонам.

– Ладно, заходите в дом. – Кивнул в сторону крыльца Николай.

– А кто в доме кроме тебя? – зыркал недобрым глазом по сторонам Миха, пытаясь понять, нет ли кого постороннего.

– А тебе какое дело? Тебя это волновать не должно... – недовольно пробурчал хозяин, но потом все же ответил. – Дочка старшая с мужем и младшая... с подружкой. Прячутся.

– С подружкой?... – заинтересованно хмыкнул Пуля.

– И думать забудь! – зыркнул темными глазами из-под бровей хозяин дома. – Они в моем доме и под моей крышей. А кто под моей крышей – тот в полной безопасности. Уяснил?!

Пуля недовольно скривился и отвернулся в сторону, сплюнув на пол, не соизволив ответить.

– Уяснил?! – повысил голос Николай Ярославов, которого и кликали Коляном, хотя он этим двоим в отцы мог годиться.

– Ну, уяснил-уяснил... – нехотя ответил Пуля.

– Па! Кто там?! – на порог выпорхнула невысокая худенькая девчушка лет пятнадцати с темными волосами и такими же темными, как и у отца глазами. Черты лица были чуть заострены, но вполне миловидны и даже привлекательны.

– Надежда, иди в свою комнату! – грозно рыкнул дядька, загоняя не в меру любопытную дочь обратно в дом. – И без моего слова не высывайся!

Девчонка послушно кивнула и юркнула за дверь, прикрыв ее за собой.

– Красивая... – пробормотал Пуля, глядя вслед убежавшей девчонке.

– И думать не думай! – шикнул Миха, кивнув в сторону входной двери. – Пойдем! Степик, шагай, давай!

Степан огляделся – практически всю свободную территорию двора занимал его Шевроле. Слева была какая-то непонятная постройка, всем своим видом напоминающая сарай с собачьей будкой и кабыздохом, натягивающим цепь со всех своих собачьих сил. Справа же был небольшой виноградник и несколько деревьев – персик, алыча да вишни-черешни всякие.

Дом был одноэтажный с четырехскатной крышей из старого шифера и чердачным окошком под ней. В общем, самый что ни на есть обыкновенный и ничем не примечательный.

– Эй, парень, заходи, давай, не торчи как прыщ на подбородке!

Степан последовал за остальными, оставив своего песика на улице.

Обстановка дома не была особо богатой, но и бедной ее назвать было сложно... Так, среднестатистический дом – ковры на полу, стенка в центральной комнате-гостинной да раскладной диван-книжка в сложенном состоянии и накрытый пледом. Перед диваном стол, за которым сидел тучный мужик с явно выпирающим пивным животом и немного заплывшими глазами.

– Садитесь к столу... – пригласительно махнул рукой в сторону дивана Николай. – Знакомьтесь. Это Иван, муж дочери моей, Светки. А вот и она... А это мои знакомые – Миха, Пуля и э-э-э... – растерялся мужчина, не зная, как представить Степана, с которым Миха так и не удосужил познакомиться.

– Степан. – Представился Рогов, протянув руку Ивану, которую тот с готовностью пожал. Ладони у мужчины были на ощупь суховатыми и не очень приятными. Обычно Степа на такое не обращал внимания, но вот сейчас это почему-то очень явно почувствовалось. Хотя сам Иван не вызывал у него неприятия или отторжения как тот же Пуля или Николай. Сам хозяин дома, судя по всему, тоже был мутный тип. Иначе, почему именно к нему рванули друзья-бандиты? Хотя теперь из-за знакомства с Михой и соучастия в преступлении и самого Степана можно было причислить к этой категории граждан.

Из кухни, что была справа от присевшего на диван Степана, вышла другая девушка – тоже невысокая, может, где-то под метр семьдесят ростом... хотя это уже, наверное, считается средний рост? А, впрочем, не важно! В меру худая, не совсем тощая оглобля, но и с боков жир не свисал, с полной грудью и довольно крутыми бедрами. Красивая, в общем. Наверное, это и есть Светлана – старшая дочь Николая. С Надей, которую Степан видел лишь мельком на пороге, общими были блестящие темные глаза и неуловимая схожесть черт лица. Вот так сразу и не скажешь, чем же они были похожи, но ошибиться, что это были именно сестры, было очень сложно. На глазах и лице все сходство заканчивалось.

Светлана была светловолосой. Не от природы, конечно. Степан был далеко не дурак, чтобы поверить, что у темноглазой смуглянки могли быть такие светлые волосы. Крашенная, конечно, но ей это очень шло.

Девушка открыто улыбнулась гостям и поставила на стол большой противень печеной картошки с мясом, от которого исходил дурманящий аромат, заставляющий желудок усиленно вырабатывать сок, а рот наполняться слюной.

– Как знала, что будут гости! – проговорила она звонким голосом. – Надя! Принеси вилки!

– Сходи сама, – тихо проговорил отец девушки и сел во главу стола, уперев руки в колени.

Светлана непонимающе глянула на отца, но послушалась – быстро проскочила мимо Степана и вновь вернулась уже с охапкой вилок в правой руке.

– Колян, ты нас не познакомишь? – голодными глазами оглядывая женственную фигуру девушки, спросил лысый друг Мишки.

– А тебе зачем? – поинтересовался Иван, окидывая того подозрительным взглядом. От него не укрылся интерес, с которым пришлый смотрел на его жену.

Поженились Иван со Светой два года назад, жили на Радиогорке в подаренной тестем квартире, но с началом всего этого дурдома, временно переехали к тестю – все же частный дом за высоким забором, да и скопом легче и спокойнее как-то. То, что его тесть Николай Зиновьев был непростым человеком, Иван понял сразу, как только с ним познакомился, но Николай Иванович никогда о себе подробностей не рассказывал, а у Светика Иван не стал выпрашивать. Захочет мужик – сам расскажет. Зять знал лишь то, что Николай Иванович развелся с матерью девчонок, когда Светке еще и пяти не было. То ли мать Светланы загуляла, пока Николай моря бороздил, то ли сам Николай нашел другую бабу, но семья развалилась.

Через некоторое время мужчина и женщина снова сошлись – родилась Надюшка, а вместе с ней и надежда на восстановление семьи. Имя придумал отец, но вскоре мать узнала, что нарек он младшую дочку в честь своей любовницы, которую никак не мог забыть, и снова все полетело к чертям собачьим. Отец снова ушел и где он пропадал почти двенадцать лет, девчонки не знали. Только однажды он появился на пороге дома, где жили девочки с матерью и отчимом и забрал тех к себе. Мать не возражала. Отчим тоже против ничего не имел. Хотя однажды, буквально сразу после стремительного переезда, Света, забежав к матери в гости на несколько минут, мельком увидела отчима с разбитой губой и синяком под левым глазом... Может, таким образом отец и уговорил отпустить дочек к себе...

А потом Света познакомилась с Ваней, которого буквально сразу же представила отцу – таково было требование родителя. Иван Николаю понравился, поэтому и препятствий в отношениях молодым людям тот чинить не стал.

Но Иван всегда знал, что если что-то не понравится этому хмурому мужику, то жизни в этом городе ему не будет – уж больно разные знакомые водились у его тестя.

– Да просто... – сделал вид, что ничего не произошло Пуля. – Надо же как-то хозяйку звать.

– А хозяйку звать не надо. Она сама, если понадобится, придет. Да и нечего ей здесь делать, за столом, когда мужчины свои дела решают! – ответил Николай, наблюдая, как дочь сноровисто накладывает в тарелки запеченный картофель с мясом и луком, аромат которого дразнил ноздри.

– Колян, да я чё! – развел руки в примирительном жесте Пуля. – Я ж чисто так... Все, базара нема!

– Все, Светлана, иди в комнату. Надо будет что-то – позовем. – Кивнул в сторону двери слева Иван.

Девушка вопросительно глянула на отца и, получив в ответ утвердительный кивок, быстро скрылась в комнате.

Ничего себе порядки! Да девчонка вышколена как солдат-первогодок. Хотя, может, это и к лучшему, когда девушка привыкает видеть в отце бесспорный авторитет и не смеет его ослушаться. От отца авторитет перейдет на мужа. А что может быть лучше послушной и верной жены?

Степан даже горько усмехнулся. Он и представить не мог, чтобы Катерина вот так бы молча все сделала и ушла, если бы он ей с таким тоном сказал подобные слова. Да у Кати бы рот минут тридцать не закрывался, доказывая, что с ней обращаться подобным образом нельзя, ведь она не прислуга и не кухарка, а самодостаточная личность и женщина с большой буквы Жо... А эта девчонка только на отца глянула. Да уж... не так прост Николай, ой не прост!

Пятнадцатилетняя Надя и ее подруга Лиля сидели в Надиной комнате, рылись в интернете, когда к ним присоединилась Света.

– Что там такое? – поинтересовалась Надя.

– Не знаю. К отцу какие-то гости пожаловали, но он какой-то странный. Сначала тебя отправил в комнату, потом Ваня меня сюда отослал и отец не стал его останавливать.

– Да ладно вам, девчонки, устроили тут тайны Мадридского двора... – скривилась Лиля. – Нашли проблему. Мужики бухают, а вас отослали, чтобы не отсвечивали там да не мешали.

Надя с пятого класса дружила с Лилией, гуляли вместе, летом даже официантками подрабатывали на пару – чтобы не так страшно было. Поэтому, когда в закрытую дверь комнаты, где жила Лиля начали ломиться ее умершие и воскресшие родители, то первым делом девчонка позвонила подружке, чей отец и помог девушке выбраться из дома, а потом и приютил у себя.

Полдня девочка была в ступоре, потом несколько часов подряд ревела, отчего к вечеру лицо распухло до неузнаваемости, а потом как-то стала отходить, абстрагируясь от произошедшего.

Теперь же целыми днями она только и делала, что мониторила в интернете информацию по всему происходящему, впитывая в себя ее, как губка жидкость.

Несколько часов девчонки сидели в комнате, не выходя и даже не выглядывая. Каждая занималась своим делом.

– Надь, – тихо позвала Лилия.

– Чего?

– Я в туалет хочу.

– И че? Тебя что, над горшком подержать?

– Ну, Надь. Пошли со мной... – канючила девчонка.

– Лиль, ну сходи сама.

– Ну, Надюх... Страшно...

– Пошли. Я тебя проведу, – предложила Света, поднимаясь с дивана, на котором валялась, читая книжку.

Туалет располагался возле кухни, вход в который был из прихожей, поэтому, пришлось идти через гостиную, где сейчас как раз сидел отец с мужем и гостями. Те что-то шумно обсуждали за бутылкой водки, когда девчонки выскользнули из комнаты, стараясь стороной обойти стол.

Мужчины уже были на подпитии, особенно шумно себя вел лысый, размахивая руками и рискуя свалиться с табурета, на котором сидел, доказывая что-то Ивану. Сидящий возле Ивана светловолосый парень в джинсах и свитере только молча жевал соленый огурец, глядя мутноватым нетрезвым взглядом на граненую рюмку, стоявшую перед ним. Отец тоже довольно шумно что-то обсуждал с третьим гостем, который при появлении девушек уставился на худенькую фигурку Лили алчным взглядом. Девушка кожей ощутила этот взгляд на себе, стараясь побыстрее выйти из комнаты.

– А это кто, мля? – заплетающимся языком спросил Михай.

– Подружка дочки.

– Подружка? Так, может, отдашь ее нам, а, Колян? – Миха пьяно заржал, увидев расширенные от испуга глаза девчонки, так контрастно выделяющиеся на побледневшем лице. Девчонка на какое-то мгновение впала в ступор, а потом быстренько выскользнула из комнаты, закрывшись в туалете. Света тоже пересекла комнату и вышла на улицу – нужно было покорить пса. Иначе он так и будет голосить весь день.

Миха какое-то время сидел за столом, потом поднялся, намереваясь выйти из комнаты.

– Куда? – уставился на него из-под бровей Николай.

– Колян, да я на перекур! Чё ты?

– Ничё. Иди уже.

Миха, опустошив стоящий на столе стопарик с водкой, схватил соленый огурец и отправил его в рот, не замечая, как струйка рассола стекает по подбородку. Шатаясь и поэтому при-

держиваясь за стол, а потом за косяк двери и стены, мужчина вышел на улицу, отметив, что в туалетной комнате горит свет.

Яковлев вышел на крыльцо дома, с удовольствием потянулся, чуть было не потеряв равновесие – все же выпил он достаточно много. Миха достал сигареты и зажигалку из кармана, чиркнув пару раз последней со вкусом прикурил, вдыхая горячий горький дым, наполняя им свои легкие и с усилием выдыхая его. Выпитое давало о себе знать – все было как в тумане, ноги казались ватными, да и тело не слушалось, зато все было по барабану и ништяк.

Из сарая, что располагался слева от стоявшего на крыльце Мишки, вышла старшая дочка Коляна. Нет, конечно, быковать против Коляна в его же доме Мишка и не думал – прекрасно знал, что знакомый такого не потерпит, но вид молодой и привлекательной бабы заставил организм реагировать так, как должно – в паху резко заныло.

– Что-то чешется в мудях. Не помру ли я на днях? – процитировал он слова из довольно пошлой песни, что слушал еще будучи на школьной скамье.

Девушка, несущая в руках алюминиевую собачью миску, непроизвольно оглянулась на наблюдавшего за ней мужчину. Она не расслышала его слов, но интуиция подсказывала ей держаться от того подальше.

Света поставила миску с кашей перед прыгающим от радости псом, грозящим поцарапать голые ноги девушки – хоть был и конец марта, но девушка частенько выскакивала на улицу в одном халате. Псина, прекратив скакать и повизгивать, со вкусом набросилась на еду, уплетая обыкновенную кашу с объедками за обе щеки, при этом не забывая поглядывать на незнакомого человека, стоящего на крыльце.

Света еще на какое-то время задержалась на улице, дожидаясь, пока гость отца докурит и вернется в дом, и только тогда решила возвращаться, позвав с собой все еще испуганную Лилю.

Миха успел вернуться за стол, накатить еще одну рюмку и попытаться уговорить Николая отдать ему девчонку.

– Да чё ты, Колян?! Ты ж сам знаешь, какие они... Только баксами покрути – как они уже тут как тут – хоть на столе пляшут, хоть под столом дело сделают. Ты чё, забыл?

– Уймись! Ты не путай шмар кабачных с другими!

И именно в этот момент Светлана и Лиля показались в поле зрения Михи.

– А она что не такая? – Пьяно скривился Яковлев. – Все они такие. Разница только в цене. – Мишка захлопал себя по карманам, пока не вытащил из одного кошелек, туго набитый купюрами, раскрыл его и, порывшись, извлек две сотенные бумажки. – Эй, шмара, пойдешь к дяде Михасю?

Мишка попытался схватить проходившую мимо него Лилю за талию, но девочка шустро увернулась, сделав шаг вперед, но тут же была схвачена Михой за руку.

– Или мало? – Пьяный мужчина резким движением запихнул двести гривен за резинку спортивных штанов, в которые была одета Лиля. Девчонка инстинктивно шарахнулась в сторону, но Мишка цепко держал ее за руку, крепко сдавив своей лапенцией тонкое запястье школьницы. – Так у меня баксы есть. Полтинника хватит?

– Михась! Не тронь девку, говорю! – рывкнул Николай, грохнув кулаком по столу, отчего несколько тарелок и вилок подпрыгнули, издав звон при соприкосновении с поверхностью стола.

От этого выкрика спор между Иваном и Пулей приутих, и лысый обвел комнату взглядом, снова обратив абсолютно не нужное внимание на жену недавнего собеседника, пьяным взглядом разглядывая ее грудь, видневшуюся под застегнутым халатом – единственное, что он перед собой сейчас видел.

– Да ладно тебе, Колян. – Продолжал Яковлев, которому алкоголь совсем затмил глаза и затуманил разум. – Она ж тебе не родня, ну! Так... приبلуда. Ха! Вон какая сладкая бабенка!

Еще целка, наверняка... Хотя, они сейчас ранние. Слышь, Колян! Ну, отдай! Уже неделю бабы не было! Баллоны подпират! Надо бы напряжение спустить!

– Я что тебе сказал?! Я щас тебе спущу напряжение!

– А по мне... так она тощая... как кошка дворовая, – запинаясь, заметил Пуля, встречая в разговор. – Мне другие нравятся... Чтоб и спереди было за что подержаться и сзади за что ухватиться.

Пьяный бандит совсем не отдавал отчета своим действиям, решив ущипнуть старшую дочку хозяина дома чуть пониже спины. Дальнейшее происходило одновременно – Светлана взвизгнула, глаза Николая от такой наглости налились кровью, а Иван схватил ближайшую вилку и всадил ее по самое основание в беспечно лежащую на столе левую руку лысого, на которую тот опирался, развернувшись к девчонкам.

– А-а-а-а! Сука! – Завопил от острой боли Пуля. – Ты чё опупел совсем?! Да ты у меня сейчас кровью харкать будешь! – Он вскочил со своего места, переворачивая на сидящих на диване Ивана и Степу стол.

Николай подхватился со стула, сильно дернув ближайшего к нему Мihu за плечо и разворачивая того вокруг своей оси. Мihu, в свою очередь, цепко держа испуганную девчонку, начал заваливаться на пол, увлекая ту вслед за собой.

Светлана широко распахнула глаза и пронзительно завизжала, увидев, как ущипнувший ее лысый, выдернув из кровотокащей руки вилку, отбросил ее в сторону и поднял с пола откатившуюся к нему пустую бутылку от водки.

Иван, измазанный остатками еды, в это время пытался выбраться из-за наваленного на него стола вместе со Степаном. Сообща стол удалось оттолкнуть и выбраться из-под завала. Мужчина попытался вскочить на ноги, но координация движений оставляла желать лучшего, как и физическая форма.

– Слыш ты, боров, да я щас эту визжащую сучку отымею прямо здесь, прямо у тебя на глазах, мля! Или тебя, дятла, отдоблю прямо перед ней! – бешено тараща глаза орал Пуля, схватив бутылку за горлышко и треснув ею о торчащую ножку стола, делая обыкновенную гопническую «розочку». – Выбирай, мля, сучара!

– Брось «розочку»! – закричал Николай, уже десять раз пожалевший, что впустил в дом своих знакомцев, ногой отталкивая со своего пути упавшего Яковлева. Тот как раз в это время, наконец, отпустил руку плачущей Лили и из-за пояса доставал ствол, который забрал у убитого в Инкермане мента.

Иван, качающийся от выпитого, похожий на разбуженного зимой медведя – такой же большой и неуклюжий, шагнул на перевернутую столешницу и попытался перехватить занесенную над ним руку с «розочкой», но покачнулся, зацепившись за нижнюю перекладину стола, исполняющую роль ребра жесткости, и чуть было не грохнулся на пол. Этого мгновения хватило Пуле, чтобы со всей дури всадить острые края разбитой бутылки потерявшему координацию мужику в горло и выдернуть обagrившийся осколок, еле увернувшись от хлынувшей из раны крови. Глядя на все это расширенными от ужаса глазами, снова закричала Светлана.

Ее муж, схватившись за горло и пытаясь остановить хлещущую ярко-алую кровь, непонимающе смотрел на измазанные края бутылки, мелькавшей в руках противника. В глазах стремительно темнело, голова закружилась, а ноги стали ватными...

– Ага, тварь! Так тебе и надо! Ха! – дико заржал Пуля, задрал голову вверх, к невысокому потолку. Потом снова устался на заваливавшееся набок тело, под которым мгновенно образовалась огромное бурое пятно, пропитывающее одежду лежащего мужчины и ковровое покрытие, что устилало пол.

Молодая женщина, из-за которой и начался весь сыр-бор, бросилась к своему мужу, размазывая по щекам соленые слезы и еще не веря во все произошедшее.

Зиновьев одним махом перепрыгнул через пытающуюся встать Лилию, к которой уже бежала выскочившая из комнаты Надя. В доме царила такая суеда, что удивительно было, как еще кто-то оставался в состоянии принимать решения. Николай Иванович подскочил к залипшему от победной эйфории Пуле и со всего размаха засадил тому в левую скулу, сбив пьяного парня с ног. Пуля от удара отлетел на старую советскую стенку, впечатавшись спиной в стеклянную дверку от секции и расколов ее вдребезги, добавив в общий гвалт еще шум разбившегося стекла. Тряхнув головой, будто пытаюсь вернуть ясность мысли, пьяный парень, покачиваясь, поднялся, так и не выпустив из рук окровавленный осколок от бутылки.

На полу, опустившись на колени перед истекающим кровью мужем, Света пыталась остановить кровотечение, но оно не останавливалось – кровь все еще выливалась из раны толчками, одновременными с ударами слабеющего сердца, пока оно окончательно не прекратило биться. Девушка зажимала рану руками, чувствуя кожей, какая кровь на самом деле горячая и искренне обрадовалась, когда та перестала течь, не понимая всех последствий...

Степан до сих пор не принимавший ни одну из сторон и, очумело смотревший на все происходящее, заметил, как Мишка достал из-за пояса пистолет и целится в спину Николая Ивановича. Рогов подскочил к бывшему однокласснику, втянувшему его в такие передраги, сзади и резко ударил снизу вверх, подбивая руку, держащую пистолет. Грохнул выстрел, пуля ушла вверх, впечатавшись в верхнюю антресоль стенки.

Младшая дочка Николая, Надя, вздрогнув от неожиданного резкого звука, продолжила начатое дело – поднимала ревущую Лилию, оттаскивая ее к своей комнате, сама еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Девочке еще никогда не было так страшно, как сегодня. Она раньше не сталкивалась с этой стороной своего взросления, и никогда не задумывалась, что заигрывания с мальчиками могут вылиться в подобное, хотя мама ее частенько предупреждала и рассказывала о том, как должна вести себя девушка.

Мама у Лилии была строго воспитания – считала, что девушка должна быть скромной, послушной и домовитой. Когда Лилия попросила разрешения подработать летом официанткой в одном из пляжных кафе, мать была резко против, считая, что приличной девушке нечего там делать. Но отец, выслушав все доводы девушки, все же разрешил ей подработать, считая, что так у дочки исчезнут все иллюзии, касаемые зарабатывания денег, что та научится ценить результаты своего труда и с умом распределять ресурсы.

– Пойдем, быстрее... – торопила Лилию подруга, тянучи ее в свою комнату.

Николай резко оглянулся на выстрел, еще больше разозлившись, но предпринимать ничего не стал, так как Степан уже скручивал Мишку, выбив из его рук пистолет.

Со стороны лежащего окровавленного Ивана раздался пронзительный крик.

– А-а-а! Он меня укусил!

– Черт! – вмиг протрезвел Николай, переводя взгляд на подскочившую Светлану, держащую за окровавленное предплечье правой руки. Тварь с белесыми глазами, которая раньше была ее мужем, медленно поднималась из лужи собственной крови, отчего казалась еще страшнее. В растерянности крутя головой – будто выбирала, на какую из жертв напасть.

– Степан, где пистолет? – рявкнул Зиновьев, понимая, что до ружья просто не успевает добраться.

– Возле дверки!

Мужчина пошарил по полу взглядом и, увидев очертания «макарова», бросился к нему. Подхватив пистолет с пола, он несколько раз выстрелил в поднявшегося зятя, а потом, недолго размышляя, выстрелил и в Пулю, который так же начал приходить в себя.

– Степан, отойди-ка! – в наступившей тишине, прерываемой только тихими всхлипами Светланы, его голос прозвучал как гром среди ясного неба.

Рогов послушно оттолкнул от себя упирающегося Миху и сделал несколько шагов в сторону – не дай Бог рикошет, хотя от «макарова» рикошетов и не бывает, но береженого Бог бережет.

– Колян, ну ты чё?! – вмиг переменялся в поведении Михась, будто и не он несколько минут назад целился в спину хозяину дома. – Давай по-пацански все решим... Мы ж не чужие люди... Кореша все же!

– Я, по-моему, честно предупреждал, что под моей крышей люди в безопасности, вы же решили побеспредельничать. А с беспредельщиками разговор короткий! – Николай Иванович несколько раз выстрелил, выпустив две пули в грудь и одну в голову. Хотя можно было бы и побереечь боекомплект, но хозяин дома был в бешенстве и действовал больше на эмоциях.

Степан исподлобья глядел на Зиновьева, который вот так с легкостью убил двоих своих приятелей.

– Теперь моя очередь?

Николай удивленно приподнял бровь.

– А тебя за что? Ты не беспредельщик. И вообще, что ты делал в этой компании? У тебя же высшее образование на лице написано, и интеллигенция в крови так и сквозит. Не удивлюсь, если ты Шекспира в оригинале читал.

Степан с облегчением выдохнул.

– Давайте трупы уберем, потом и расскажу, а то как-то не до повествований.

– Пап-па... – всхлипывала Светлана, демонстрируя укус и со страхом глядя на окровавленный труп своего мужа, который казался ненастоящим. Будто это не Ваня лежит, весь измазанный в крови, бледный... мертвец. Это его копия, но не он.

Николай в мгновение ока поник, прекрасно понимая, чем все это закончится, да и Степан тоже сразу понял, что девчонка умрет и превратится в такую же тварь... Все было так нелепо и неправильно... И от этого становилось еще обиднее и горче. Перед глазами так и стояло лицо соседской дочки, которое парень видел в окне.

– Пап, мне страшно... – ревела девчонка, с надеждой вплядываясь в лицо отцу, ожидая, что тот сейчас что-то придумает, спасет ее. Он же может, он ведь сильный... Он всегда ее защищал. И сейчас защитит. Он же ее отец...

Но Николай только стыдливо прятал глаза, не зная, что ответить дочери, боясь даже самому себе признаться в своей беспомощности.

– Ну, чего ты боишься? – ласково проговорил Степан, переводя взгляд с угрюмого лица Николая на заплаканные глаза Светы. – Сейчас я тебе укол сделаю, и все будет хорошо. У меня же противоядие есть. Потому меня Миха с Пулей при себе и держали.

При этих словах лицо хозяина дома засветилось надеждой, но тут же снова осунулось, поняв, что Степан хоть и искусно, но лжет.

– А оно у тебя, действительно, есть? – с надеждой спросила Света.

– Конечно! – кивнул Степан. – Только сумка с ним у меня в машине. Ты пока рану промой и перебинтуй, а я сейчас... Я мигом!

– А как же Ваня? – Глаза девушки снова наполнились слезами. Она была готова вот-вот разрыдаться...

– Ему уже ничем не поможешь...

Степан растерянно развел руками и стремительно вышел из комнаты, а за ним последовал и Николай Иванович.

– Никакого противоядия нет, ведь правда? – подошел мужчина к Степану, который как раз закуривал возле машины.

– Нет, – вынув изо рта сигарету, ответил парень. – По крайней мере, у меня.

Зиновьев согласно покачал головой, бормоча себе что-то под нос.

– Что ты ей вколешь?

– Смотри сам, Николай Иванович. Либо обезболивающее, либо снотворное. Я склоняюсь ко второму. Пусть девчонка уйдет во сне, без страха и слез.

– Добро. Так и сделай. Спасибо тебе, что успокоил ее. – Поблагодарил Николай парня, положив свою ладонь ему на плечо. – Не могу я теперь Светке в глаза смотреть. Не уберег я дочку... Эх!

Докурив, Степан порылся в своих вещах, извлекая коробку с медикаментами, среди которых была упаковка обезболивающего в ампулах. Мужчина достал одну ампулу, надломил шейку и набрал медикамент в заранее вынутый из той же коробки прозрачный пластиковый шприц.

– Что это?

– Обезболивающее.

– А снотворное?

– А снотворное в чай подсыпать. Вот, – Степан протянул несколько таблеток Николаю.

Девочка умерла примерно через час, тихо, во сне, сковавшим ее зараженное неизвестной болезнью тело. Только вздохнула тяжело и, испустив дух, обмякла.

Николай поднес к виску дуло пистолета и мягко спустил курок. Грохнувший выстрел заставил всех вздрогнуть.

Надя снова разрыдалась, уткнувшись в плечо Лиле, которую до сих пор трясло от воспоминаний о трупах и крови, которую им с подругой пришлось отмывать практически отовсюду в доме, то и дело вынося ведра с мутной водой и выливая их в палисадник.

Тела похоронили за домом. Бандитов отдельно, Ивана со Светланой отдельно. Даже какую-то молитву над могилой дочери с зятем прочитали, нужную или не нужную было не важно. Как смогли, так и провели обряд.

Поминать не стали, не до того было.

Девчонки ушли в дом, а мужчины сидели во дворе на лавке и курили, переводя дух после махания лопатами. Степан рассказал свою историю, на что Николай только покачал головой.

– Что дальше будешь делать?

– К тетке, в деревню подамся. На Херсонщину.

– Сегодня? – усомнился в правильности решения хозяин дома, намекая на подступавшую ночь.

– Да какое там! Если разрешишь – у тебя переночую, а завтра уже рвану.

– Да ночуй на здоровье. – Отмахнулся Зиновьев. – Да, я вот там сложил все пожитки этих уродов – очень много золота и баксов.

– Угу. – Остался равнодушным к этой новости парень.

– Хочешь дам совет?

– Давайте.

– Если все так и дальше пойдет, то через пару дней эти бумажки и яйца выеденного не будут стоять. Только и будут годиться для того, чтобы в них сморкаться. Поэтому, с утра пораньше хватай жабы шкурки, канистры и дуй на ближайшую заправку – бензином затаиваться, а потом в магазин за продуктами. Еще тебе понадобится оружие, но тут я тебе не помощник – завязал я давно с этим делом. Так что... – Николай только развел руками, показывая, что ничем помочь не может.

– А этих, – Степан неопределенно кивнул в сторону, намекая на покойных Миху с пулей. – Никто не хватится?

– Да кому эти гоп-стопщики нужны? Они после отсидки совсем крышей поехали, беспредельщики...

– А они что, сидели?

– А ты что, так и не понял? Пока ты в институте учился, у них свои институты были. Или ты думаешь, что их в учебных аудиториях учили по фене бакланить?

– А вы?

– А я тоже... из того же университета, что и они, только факультет другой. Но это совсем другая история... Так что послушай моего совета – потрать ты «зелень» эту с умом. А вот «рыжье» побереги – оно всегда в цене.

– Спасибо, Николай Иванович. И за крышу над головой и за науку. Завтра же этим и займусь.

Выехать в дорогу удалось только к обеду.

Все утро Степан бегал как «трипперный зайчик», по выражению Николая, разрываясь между заправкой и магазином. В магазине даже пришлось применить трофейный «макаров» – помещение оказалось открытым, а внутри торчали мертвецы, которые при появлении Степана начали сбрасывать оцепенение и медленно двигаться к нему. Среди зомби была продавщица – высокая худая тетка лет сорока и двое парней абсолютно гопнической наружности.

Складывалось впечатление, что озомбившаяся продавщица покусала пробравшихся в магазин воришек, которые там же и обратились. Парни были все измазаны в запекшейся крови, с обвисшими щеками и мертвецкой бледностью. Они и при жизни-то красавцами не были, так сказать интеллект на лице никак не сказывался, а после смерти и того хуже получилось.

Магазин не блистал разнообразием продуктов – то ли подчистили его конкретно, то ли просто старый завоз был давно, но пару сумок социальных продуктов удалось набить. В машину Степан возвращался, крутя головой на триста шестьдесят градусов – зомбаков на улице было не так много, как в городе, но клювом щелкать тоже не следовало. Все же дом, в котором магазин располагался, граничил с пустырем, был старой постройки, двухэтажным, да и население района было минимальным.

Рогов проехался по близлежащим магазинам, но крупные были закрыты, а мелкие стояли с разбитыми витринами и остатками продуктов на полках. Вот по этим разграбленным парень и прошелся, собирая все, что может пригодиться в дальнейшем, выгребая все без разбора, оставив отделение зерен от плевел на потом.

Бензина удалось купить меньше, чем предполагал Николай Иванович – цены взвинтили до небес, плюс очереди и нервные покупатели. Многие из которых были вооружены охотничьими ружьями и карабинами, да передвигались по улице с оружием абсолютно не скрываясь, что немного удивило парня, который поглубже в карман запихнул трофейный пистолет и то и дело проверял на месте ли тот, не потерялся ли.

Перед отъездом Зиновьев записал адрес Степановой тетки в старый оббитый дерматином блокнот.

– На всякий случай... Мало ли! Шарик-то он круглый. А я вроде как твой должник. – Проговорил Николай, намекая на отведенный Степаном выстрел в спину, который хотел совершить Мишка Яковлев во время вчерашней стычки.

– Ну, может, еще и встретимся. Как там Надежда?

– Да хоть успокоилась немного. Я ей тоже дал снотворного... Со вчерашнего дня осталось немного. Спит сейчас. Лиля с ней, так что, когда проснется – одна не останется. А мне сейчас по делам надо. Чувствую, заварушка намечается конкретная. Новости вообще хреновые, так что... Будь осторожнее. По оживленным трассам старайся не ехать, выбирай окольные пути.

– Да, я тоже так подумывал. – Кивнул Степан. Подзывая Буля и закидывая его обратно в машину, в которой явно чувствовался запах бензина – весь багажник был забит канистрами с горючкой. – Мне Лилия по моей просьбе распечатала карты, так что, ежели что, хоть не заблужусь.

24 марта. Севастополь, Казачья бухта. Володин Владимир, старший сержант милиции

– Капитан, ты куда?! Жрать же зовут. – Крикнул Виктору вдогонку ВэВэ.

– Жрать – це ж свиняче діло! – капитан Никитин, в бывшем сотрудник одного из районных отделений милиции, махнул рукой на приглашение к столу, мол, сейчас приду и поспешил в дом, глянуть как там Алёна и новорожденный Артёмка.

Этот огромный дом, в котором теперь жили те сотрудники Гагаринского РОВД города Севастополя, пожелавшие вместе с начальником – полковником Смирновым присоединиться к группировке российских морпехов, базировавшихся на берегу одной из многочисленных бухточек Севастополя, был выделен им командованием после зачистки частного сектора от мертвецов.

Пока мужчины, исполняя свой долг, женщины и дети были в полной безопасности за высоким каменным забором. Но все равно тревога в сердце Виктора оставалась. Еще бы! Ведь Артёмке не было еще и недели, а Алёна уже успела ощутить все «прелести» новой действительности, когда вместе с медсестрами после родового отделения баррикадировалась от зомби.

– Ну, как знаешь! – пожал плечами сержант и поспешил мыть руки. Потому как помнил слоган, привитый с детства – «Чистота – залог здоровья». Сейчас бы еще душик бы принять – вообще была бы песня. Но про душ мечтать не стоило – это только летом можно будет осуществить. А вот обмыться горячей водой – вполне возможно. Только нужно ее накачать и нагреть.

– Девоньки, – довольно потер руки Володин, – а что у нас сегодня пожрать?

– Вэвэ, у нас сегодня одно грузинское блюдо – жричѣдали называется, – гыгыкнул Парков, идя следом за невысоким сержантом.

Стол после трехдневной гречневой диеты в здании РОВД показался праздником – женщины расстарались. И вроде бы ничего такого, но в то же время все привлекательно на вид и весьма аппетитно на запах.

Парни, галдя, расселись за столом, вокруг сновали дети – девчонки помогали женщинам расставлять тарелки, а пацан – семилетний сын старлея Антона Николаева, бывшего сотрудника государственной службы охраны, прибывшего к милиционерам после зачистки роддома, играл разряженным «макаровым». Жена Антона, конечно, бросала на мужа укоризненные взгляды, то тот их попросту игнорировал, полагая, что в новом мире теперь и новые игрушки.

Мама Сереги Паркова разливала по тарелкам уху, сваренную из рыбных консервов. От тарелок исходил пряный аромат, не многим уступающий настоящей ухе из свежесловленной рыбы.

– Спасибо, Евдокия Антоновна! – поблагодарил ее ВэВэ, принимая горячую тарелку из рук женщины.

– Да на здоровье. А что, капитан ваш ... – Евдокия Антоновна постаралась вспомнить имя того капитана, жену которого ее сын и другие мужчины спасли из роддома. – Виктор вроде бы? Они с женой не спустятся?

Да, Сергей, конечно, не все рассказывал матери – боялся ее испугать или лишний раз побеспокоить... Но его опасения были напрасны – Евдокия Антоновна теперь постоянно тревожилась за сына. А как же иначе? Если даже жить теперь приходится в отгороженной от внешнего мира территории воинской части, поглотившей и часть частного сектора. Не говоря уже о том, что теперь все носили с собой оружие. А то, что Сергей мало что рассказал про операцию в роддоме, так тут и рассказывать особо много не нужно было – достаточно было посмотреть в глаза вернувшихся оттуда мужчин и женщин, чтобы понять, что там произошло нечто ужасное.

– Скоро подойдет. – Отмахнулся Володин и потянулся за солью.

Со стороны дома раздался гулкий пистолетный выстрел. Мужчины резко подскочили на ноги и растерянно переглянулись.

– В доме стреляли! – скомандовал Смирнов, так и оставшийся для всех командиром.

– За мной! – рванул первым к дому Антон Николаев, на бегу вынимая из кобуры табельный пистолет.

Буквально сразу после первого выстрела прозвучал второй. Мужчины, топая тяжелыми ботинками по деревянной лестнице, устремились вверх, откуда прозвучал второй выстрел.

Антон успел вовремя – Виктор уже практически нажал на курок, когда старлей подбил его руку резким движением, и пуля прошла по касательной, повредив только кожные покровы черепа. Волосы моментально начали пропитываться кровью – ведь на голове очень много капилляров, поэтому любая даже мало-мальская рана нещадно кровит. Виктор схватился за рану, упал на колени и страшно завыл. Именно завыл. Потому что плачем эти звуки, издаваемые человеческим горлом, назвать было сложно.

– Что тут?! – ввалился в комнату запыхавшийся Смирнов, покрасневший и тяжело дышавший.

– Товарищ полковник... – Толя испуганно переводил взгляд то на тела на кровати, то на скрюченного Виктора.

– Это он их?

Коля Кузин подошел к телу Алёны, присмотрелся и покачал головой:

– Вряд ли. Скорее всего, самострел.

– Да черт побери! Что здесь произошло?! – не выдержал Смирнов и покачнулся, схватившись за сердце – стрессы последних дней взяли свое. Его подхватил находящийся рядом ВэВэ и усадил на стоявший возле двери стул, на спинке которого висела женская куртка.

– Аня! Позовите Аню! – крикнул Володин вниз по лестнице. – Шеф, дышите... Сейчас наша медичка прибежит, даст таблетку – станет полегче. Мужики, Никитина уведите отсюда – смотреть на него страшно. Ну, водки дайте что ли. Где, черт возьми, Аня? Аня!!!

– Тут я! – вбежала в комнату запыхавшаяся девушка, протискиваясь мимо стоящих парней. – Что случилось?! – взгляд ее зацепился за не пришедшего еще в себя Виктора, а потом переместился на сидящего командира. – Что с полковником?

– Сердце прихватило... – виновато улыбнулся в свои усища полковник Смирнов, придерживаясь правой рукой за сердце, будто от этого боль могла пройти.

– Нужен валидол или нитроглицерин. – Сообщила медсестра. – У кого-нибудь есть?

В ответ мужчины только пожали плечами.

– Так, усадите его поудобнее, я сейчас сбегая в нашу аптечку гляну – вроде, там что-то было из этого.

Аня бегом бросилась вниз по лестнице к баулам, среди которых лежала сумка с лекарствами, добытыми в «Посейдоне», когда зачищали торговый центр, а рассортировать еще не успели. Там точно что-то должно быть от сердца.

Сумки так и покоились в прихожей холла, дожидаясь своего черед. Аня начала быстро расстегивать молнии и осматривать содержимое, среди которого попадалась одежда, утварь, даже пачки с солью, которые так и не перекочевали на кухню.

– Ага. Вот! – Аня, наконец, наткнулась на ворох упаковок с маленькими плоскими кругляшками, запаянными в пластик и бумагу. Девушка мельком прочитала надпись на упаковке и отложила ее в сторону, пока не увидела знакомое сочетание букв. – Отлично! – Но, вспомнив про раненного капитана, схватила также бутылочку перекиси водорода и упаковку бинтов.

Девушка бросилась обратно на третий этаж, где и располагалась комната Никитиных.

Тела младенца и матери накрыли шторой, снятой с карниза, Никитин все также оставался на полу, а Сергей Сергеевич – на стуле.

– Сергей Сергеевич, вот, – девушка разорвала упаковку и протянула небольшой белый кругляшок таблетки. – Положите под язык и полный покой. Ребята, товарищу полковнику бы вниз помочь спуститься.

– Да нет, – помотал головой Смирнов. – Анна Михайловна, это лишнее. Вы на Никитина гляньте. Что-то он совсем того... И... Может, спустимся вниз?

– Товарищ полковник, так что делать-то? – переспросил Антон Николаев.

Смирнов не успел ответить – на лестнице снова послышался топот ног, и в комнату уже вбежало двое мужчин в военной форме с автоматами наперевес, один из которых на поводке держал здоровую дворняжку с печальными глазами.

– Здесь стреляли?!

В и так не большой комнате и вовсе стало тесно.

– А вы...

– Патруль. – Коротко бросили те, ставя оружие на предохранитель и забрасывая за спину.

– Все в порядке. Уже.

– Так что здесь произошло? Нам нужно будет доложить...

– Жена капитана во сне умерла, вот он ее и упокаивал. – Сократил до допустимого минимума все произошедшее Серега Парков. – Уже все в порядке. Можете идти.

Патрульные пожали плечами и вышли из комнаты, только пес на какое-то время задержался, пока рывок поводка не заставил его проследовать за хозяевами.

– Сергей Сергеевич, рану я промыла – пуля прошла по касательной, так что ничего смертельного, – повернулась к начальнику медсестра, стоявшая на коленях перед невменяемым Виктором. – Нужно теперь перемотать и дать ему успокоительного, потому как у него шок. Лучше, конечно, в ампулах да внутримышечно... Но у нас успокоительного кроме валерьянки нет – может, кто из парней в местную санчасть сгоняет?

– Хорошо, Анна Михайловна.

– Я схожу, – вызвался прапорщик Сидорчук.

– Хорошо. Только не задерживайся... – попросила того Аня.

– Николаев, Иванов, займитесь телами. – Бросил Смирнов, поднимаясь со стула и подходя к двери. – А Никитина лучше все же вниз спустить, как Анна Михайловна и предлагала.

25 марта. 10.00 Трасса Симферополь – Армянск. Степан Рогов

Степан попрощался с хозяином дома, с которым неожиданно его свела такая переменчивая нынче судьба, и вырулил на дорогу, ведущую к выезду из города. Машины на трассе были, но основной поток рассосался, начиная с Любимовки и Качи.

Вдалеке синели холмы гор, покрытые хвойными лесами и укутанные облаками, отчего цветовая гамма сменялась с синеватой на зеленоватую и перетекала в серый цвет. На фоне светлого неба, незаметно сливающегося с морем, виднелся силуэт полуразрушенной крепости Чембало, что возвышалась над Балаклавой. По обе стороны трассы простирались виноградники, сменяемые иногда садами и немногочисленными деревеньками. Кой где даже небольшие стада коров паслись на лугах, равнодушно глядя огромными глазищами на проносившийся мимо автомобиль.

По пути следования были и аварии с зомбаками, крутящимися возле покореженных остовов автомобилей, и пожары – горели несколько гостевых коттеджей в Любимовке. Да так, что огонь с ярко-желтыми искрами, разносимыми прибрежным ветром, и серым дымом был виден еще при въезде в поселок, рискующий выгореть, если огонь начнет перекидываться на другие дома и участки – пожарных нынче не дождешься. Добрая их половина ходила по этой земле бездушными тупыми тварями.

Над Бельбеком⁶, поднимаясь все выше и выше, показался самолет. Кто умудрился поднять в воздух железную птицу и уж тем более – куда этот кто-то направлялся, было неизвестно...

⁶ Бельбек – аэродром под Севастополем

может, кто из местных олигархов добрался до аэродрома, но тогда почему так поздно? Почему в первые дни деру не дали? Хотя, если верить сообщениям в интернете, то подобное творится по всему миру...

Вся дорога вместо положенных трех с половиной часов заняла около пяти. Степан почему-то ехал не так быстро как обычно, будто боялся, что полным ходом налетит на неприятности.

Трасса Евпатория-Симферополь, на которую свернул Рогов, как обычно была вполне загруженной – люди бежали из городов, забрав с собой все, что можно было увезти. Но не только мирные обыватели были замечены на дороге, Степан даже видел открытый УАЗик со снятым тентом, промчавшийся мимо него, с парнями в военной форме и с автоматами наперевес. Только вот номера у УАЗика были не черного цвета – не военные. Сами что ни на есть гражданские.

На первой же развилке, ответвляющейся от трассы, мужчина без требуемой по правилам дорожного движения остановки свернул налево – в сторону сел, раскиданных в степном районе Крыма. Недавнее, еще темно-серое покрытие трассы сменилось старой асфальтовой дорогой, но Шевроле уверенно нес своего хозяина в нужном направлении. Степан, проехав несколько десятков километров, остановился, чтобы свериться с атласом автомобильных дорог, который всегда валялся в бардачке. В принципе, на трассу Симферополь-Краснопереконск, которая соединяла полуостров с большой землей, можно было выскочить в любом месте – благо дорог, выходящих на нее, было достаточно, но Степан решил двигаться по знакомому пути.

Перед одним из подорожных селений, раскиданных вдоль трасс и дорог, то ли в Гвардейском, то ли в Геройском, на дорогу перед Степиным Шевроле выскочил мужчина и молодой парень – еще совсем подросток. Они активно замахали руками, призывая водителя остановить автомобиль.

Степан сначала решил было проехать мимо, памятуя о том, куда ведет дорога, усталая благими намерениями. Тем более, история с Мишкой и Пулей надолго засела в памяти у парня. Но, проехав несколько метров, все же надавил на тормоз, приостановился и сдал назад, опуская стекло правой дверки.

К машине, чуть прихрамывая, но довольно-таки резво подбежал мужчина с художественно разбитым лицом, на котором еще виднелись остатки запекшейся и потрескавшейся крови, парень же остался чуть в стороне.

– Здоров, парень! Не подвезешь? – тяжело дыша, даже немного задыхаясь, спросил побитый мужик, склонившись к окну.

Степан недоверчиво уставился на него, оглядев того с ног до головы и не зная, что ответить.

– Куда вам? – наконец, нашелся он.

– Да мы... Тут такая история... Нас стопорнули на трассе, избили, ограбили и выкинули из машины... – непроизвольно дотронулся до разбитой скулы мужчина. – Вот, ехали к родственникам, в деревню, а теперь даже и не знаю, как будем добираться, – неопределенно пожал плечами побитый дядька.

– Ну, хорошо хоть не убили.

– И то верно... – согласился собеседник. – Ну, так что? Подкинешь?

– Куда? – кивнул Степан.

– Да село Гавриловка, что на Херсонщине. – Махнул рукой мужчина, будто это было совсем рядом, практически за углом.

– Знаю такое... С трассы сразу поворот налево, если ехать на Херсон. Повезло вам, парни, я в Николаевку еду... Так что, практически по пути.

– Ну, так что?

– Ну, стало быть, помогу... Запрыгивайте! – Кивнул парень и тихонько пробормотал себе под нос. – Ничему меня жизнь не учит...

За время дороги удалось познакомиться и поговорить.

Константин Аркадьевич, как представился мужчина, выскочивший на дорогу, оказался интересным собеседником. Без устали что-то рассказывал и шутил, хоть Степан и слушал его в пол уха.

Веселость и хорошее настроение мужчины даже не портил тот факт, что его ограбили и избили... Он как-то по-философски относился ко всему происходящему. Ну ограбили – и ничего страшного, не убили же. А то, что измутили, тоже не страшно – синяки почти не болят. Все рассуждения Константина сводились к тому, что есть какая-то изначальная предопределенность, отвечающая за все, что происходит в нашей жизни.

– Ну, вот смотри, Степан. Развивается цивилизация каких-то умных и сильных... типа атлантов. Потом бац! И кранты, как говорит Юрка, мой племян. Та же легендарная Атлантида, судя по опусам древнегреческих историков, была вполне себе технически развитой землей, до нашего уровня не дотягивали, но все же... И погубила ее техногенная катастрофа, на которую больше всего похоже то самое резкое наводнение или уход острова под воду. Вряд ли это что-то природное... И все начинается по новой.

– Да. Я тоже слышал про спиралевидность истории. Мол, все в этой жизни повторяется.

– Вот и я о том же. Вот так и наша цивилизация в один момент пришла в упадок.

– Почему в упадок?

– А как по-другому это назвать? Четвертый день как началась эта зараза, а уже на улицу опасно выйти – либо ограбят вылезшие из всех щелей бандюки и прочие гопники, почувствовавшие свою безнаказанность, либо съедят тебя без соли и закуски.

– Ну, вояки подсуеятся с ментами, зачистят территории. Все вернется на круги своя.

– Не вернется. А если и вернется, то круги будут очень уж сужеными.

– Чего это?

– Степан, вот ты вроде умный парень, поэтому скажи, сколько уцелело обыкновенных работяг – электриков там... да не тех, которые фазу от земли могут отличить, а тех, кто в распределительном щите разберется, или в подстанции. А водопровод, водоканал? Банальное отопление домов?

– Ну, в частные переселяться... – предложил парень.

– А топить чем? Мы в Крыму. – Усмехнулся Константин, кивнув за окно и поправляя съехавшие очки. – Пока. Будем на Херсонщине... И там и там деревьев мало. В Крыму, конечно, побольше будет, но в основном сосняк – смолить будет... мама дорогая! Угореть можно моментально. Так что если так поразмыслить, то всю инфраструктуру придется с нуля поднимать. Бензин закончится – на лошадаках будут землю вспахивать, как в начале прошлого века.

– Да у нас, в Николаевке, если три-четыре лошадаки на все село наскребется – уже хорошо.

– Ну, на коровах. Поверь, сельский житель он придумает, как себя прокормить, абы никто не мешал.

– А что, могут? – удивился таким словам Степан, как-то не задумываясь о дальнейшей жизни в селе. Пока в его планах было только туда добраться. Желательно целым и невредимым.

– Не только могут, а и будут. Если уже на дорогах грабят, то как только еда закончится – начнут искать, где можно найти пожрать. И скатится все до банальной махновщины. Помнишь, как в фильме «Свадьба в Малиновке» одна баба говорила? «Значит, будут грабить...»

– Ну и что делать тогда?

– Что-что... Организовываться. Чтобы не было как в поговорке «моя хата с краю – ничего не знаю».

– В колхозы что ли? – фыркнул Степан.

– А почему бы и нет... Все работают – все кушают, а вот кто не работает, тот не ест. Организовать патрули... Сколько дорог ведут в вашу Николаевку с трассы? Две?

Степан призадумался, вспоминая карту родных мест.

– Если с трассы, то три... Но еще полями да окольными путями можно.

– Ну, вот... Патрули, что бы ни дай Бог кто ненужный не забрел в село – ни мертвый, ни живой. Потому как живых теперь следует бояться больше, чем мертвых. Из людей столько говна полезет, что задолбешься ямы выгребные чистить.

– Так, может, вы со мной рванете? Вместе с сыном.

– Да не сын он мне – племянник. Сестры моей отпрыск. Сестра погибла... два дня назад. Просто с детства он за мной по пятам, вот и стал мне как родной.

– Бывает. – Прикусил язык Степа.

– Твоя идея не плоха. Мне лично по барабану в какой глуши жить. Но к родственникам все же заглянуть стоило бы – узнать, как они там. Все ж родня... хоть и не близкая.

– Ну что ж... Тогда заскочим. Как вы там говорили? Нужно организовываться?

– Ото ж. Колхоз имени меня. Ну а ты, Степан... Жена, дети? – резанул по больному, сам того не зная, Константин.

– Да как сказать... – решил Степан размять шею, которая нещадно затекала от длительного сидения за рулем. – Это длинная история, но если сократить ее до нескольких слов, то жена от меня ушла в утро дня начала всей этой хрени.

– Как символично, не правда ли?

– Да уж... – скривился словно от зубной боли Рогов.

– И как? Соплепускания и душестрадания уже закончились или еще не начинались?

– Даже и не знаю, были ли они. Просто как-то все навалилось. Мертвяки эти, сосед умерший с дочерьми... Не было толком времени, чтобы подумать.

– Ну, вот и продолжай в том же ключе. Меньше думай. Тем более, сейчас работы более чем достаточно. А вообще вот что я тебе скажу – перекрестись и скажи спасибо судьбе, что отвела от тебя эту тетку. Вот почему она ушла?

– Да как-то говорить особо и не хочется. – Скривил правый уголок рта Степан, действительно, не желая вспоминать свою семейную жизнь, тем более, обсуждать ее с малознакомым человеком.

– Это тебе сейчас не хочется – стресс, усталость. – Продолжил негаданный попутчик, глянув на заднее сиденье и убедившись, что с племяншом все нормально. Тот мирно спал со щенком в обнимку, тихо посапывая. – А потом поперет тоска, к горлу подступит, сожмет в тиски и будешь терзаться. Так что лучше сейчас все разложить по полочкам, чем потом, когда никого рядом не будет. Так чего ушла-то? Бил-пил-изменял?

– Да нет. – Пожал плечами водитель и нехотя добавил. – Не изменял. – А потом его как прорвало... – Я и сам толком не очень все понял. Говорила, что ей внимания моего не хватало, и денег было мало, все время повторяла, что надоело на съемной квартире жить, хотя квартира была более чем хорошей, практически в самом центре...

– А-а-а... – Кивая, протянул Константин, словно своими собственными глазами увидел все то, о чем сказал Степан. – Ну, понятно. Все как всегда и как у всех. Вечные песни про «не уделял внимания». Поверь – тебе свечку нужно поставить в храм за то, что Бог отвел от тебя негодную бабу.

– Почему негодную? – даже слегка обиделся на такие слова парень. – Катя красивая...

– Да разве ж это показатель годности к семейной жизни? – искренне удивился Константин, поправив съехавшие очки. – Понимаешь, Степа, если мужик изначально не задаст рамки своей бабе, жена она ему или просто... как вы, молодежь, говорите – встречаетесь, и не будет контролировать пересечение этих рамок, то считай – каюк браку! Женщины они что? Они же живут инстинктами и эмоциями. Мужики же – более рациональные существа.

– А разве мы не все в первую очередь люди? – попытался возразить Степа.

– Все, но с разными функциями. Ну, чтобы было понятнее – птицы. Вот пингвины не летаю, зато плавают, а орлы хоть и не плавают, но отлично летают и ловят дичь. Вот так и люди. Два вида – эм и жо. И очень часто ни эм, ни жо не понимают друг друга и возложенных на них функций.

– Чет вы так все закрутили, Константин Аркадьевич... – почесал затылок Степан.

– Это не я такой, это жизнь такая...

– Ну а какая, по-вашему, должна быть жена? В вашем понимании?

– В моем?

– Ага.

– В первую очередь – надежная.

– Как автомат Калашникова? – усмехнулся Степа.

– Почти. Не зря же говорят, что жена – это тыл. А если тыл ненадежен, то зачем такой тыл? Мы ж, мужики, на передовой. Ну, большинство из нас. А женщины... они для чего нам нужны? Чтобы обеспечить нам уют и тепло домашнего очага, как бы это патетично не звучало.

– Вы так сказали, а у меня картинка перед глазами – пришел пахарь с поля, а женка перед ним кринку молока и краюху хлеба ставит...

– Ну, примерно так. – Согласно закивал разбитой головой нежданный попутчик. – Но борщ с пампушками я люблю больше. На лактозу у меня аллергия.

– Ну, хорошо. А во вторую очередь? После борща с пампушками?

Степана даже немного завлек разговор с этим человеком. Ему просто было интересно услышать, как он смотрит на жизнь... Увидеть ее, так сказать, его глазами.

– Домовитость. – Ответил на вопрос Константин, после небольшой паузы.

– Это как?

– Это когда дом, семья, дети для женщины на первом месте.

– А как же самореализация там? Учеба? Работа?

– Главная ее работа – дети. И их воспитание. – Безапелляционно ответил попутчик.

– А не слишком ли это... Ну не знаю... Прямо как в дореволюционные времена, как при царе Горохе.

– А что до революции? – Кивнул Константин, и тут же продолжил развивать свою мысль. – Были крепкие семьи, со множеством детишек. А сейчас? Женщина одного родит и ждет, что ее должны поставить на бронзовый пьедестал и лавровый венок на чело водрузить. Как же! Она же ребенка родила! Непосильное дело сделала. И ладно бы все этим закончилось. Так с этим обычно все начинается... Ребенок занимает место на пьедестале рядом с мамой, а муж и отец, если это, конечно, один и тот же человек, что не всегда совпадает, начинает пахать как Папа Карло.

– Но ведь женщинам, действительно, тяжело с детьми. Они устают, а еще и постирай-погладь, еды приготовь... – попытался защитить несправедливо обиженных, как ему показалось, женщин парень, вспоминая, как жаловались на тяжелый быт те немногие подружки его жены, которые родили детишек.

– Степа, ты говоришь, как любая тетка. Тебе бы пересмотреть некоторые жизненные позиции.

– Ну, какой есть. – Немного обиделся Рогов.

– Хм. – Константин не сильно обратил внимание на обиду Степы. – Ну, каждый сам себе злобный буратино. Так вот... По поводу готовки-уборки. Что сейчас доступно из того, чего не было у наших бабушек-прабабушек?

– Что?

– Блага цивилизации. Ну, там стиральные машинки, центральное отопление, водопровод и прочая ерунда, которую мы, привыкшие к комфорту, не замечаем. Раньше-то как было?

Чтобы еды приготовить – печь нужно растопить, воды наносить, тогда и готовь уже. А сейчас? В худшем случае пельменей сварил – и ужин готов. Про уборку вообще молчу. Сколько квадратура в средней двушке? Метров пятьдесят от силы? Ну вот. Сколько времени пройтись с пылесосом по двум комнатам, а потом шваброй помахать? А если пылесос моющий? Все делим на два. Стирает стиральная машинка, остается только закинуть все в барабан, нажать пару кнопок, подождать и развесить на балконе.

– Ну да. Это правда. – Степан вдруг вспомнил, как Катя постоянно жаловалась на усталость, хотя с техникой в доме все было более чем нормально.

– Так что при правильном планировании времени домашние хлопоты много сил не отнимут. Бывает, конечно, что дети беспокойные попадают, но такова уж бабская доля. Для того они и существуют в природе, чтобы потомство выносить, выкормить и в свет выпустить, пока мужики в это время «папонта» добывают, чтобы всю эту ораву прокормить.

– Ну, так что? Женщинам учиться не нужно?

– Нужно, конечно. Ей же еще уроки с детьми делать, разговаривать с ними. Да и с мужем тоже чтобы было о чем поговорить. Это только резиновая баба для одного дела годится.

– А как с работой?

– Тут уже сложнее. Если нет материальных проблем, то женщина может на какой-нибудь социальной должности поработать... Для души. Если это, конечно, никак не скажется на ее домашних обязанностях.

– Так что? Киндер-Кюхе-Кирхе? – вспомнил правило «Трех К», популярное в Германии сороковых годов.

– А почему бы и нет? Крепкие семьи, счастливые дети, здоровая нация. Что в этом плохого? А теперь что? Ты знаешь, что разводятся восемьдесят процентов пар. При этом из этого числа около восьмидесяти процентов разводов инициируется женщинами. У них любовь новая или все те же «пил-бил-изменял», или «ниудилиялвнимания», а то, что дети без отца остаются, им по барабану.

– Но ведь никто же не запрещает отцу встречаться с детьми, участвовать в их жизни? – возразил на такое заявление Степан.

– А как ты себе это представляешь? Как можно воспитывать ребенка, видя его, в лучшем случае, два-три часа в неделю? И это в идеале, так сказать.

– Кхм... действительно, сложновато. – Подтвердил Степан, вспоминая, как перед каждой его встречей с отцом, маменька закатывала демонстративную истерику на тему «умираю прямо здесь и сейчас, а ты, неблагодарный, оставляешь меня одну». В общем, сценарий оставался тем же, только причины мгновенной смерти каждый раз менялись – маменька очень любила смотреть передачи про здоровье, нахватывалась там умных слов и названий страшных болячек, а потом уже этим апеллировала. Она сама по себе была хорошим человеком, добрым и сына любила, но когда разговор касался Степиного отца, мать будто менялась – ее даже протряхивало от злости. – Особенно, если отношения с бывшей женой не очень. – Добавил Степан.

– О! Ты начинаешь понимать все тонкости взаимоотношения полов.

– Да уж.

– В общем, нужно спокойнее к женщинам относиться, не закидывать на них. Мы им нужны больше, чем они нам, поверь. И с этой установкой жить намно-о-ого проще.

– Так ведь сразу-то не получится перестроиться.

– А не надо сразу. Попытаешься все сделать одним махом, без предварительной подготовки – ничего не получится. Начинать нужно постепенно. Измени себя и ты изменишь весь мир.

– Ну, вы разошлись, Константин Аркадьевич. Философ прямо! – усмехнулся Степан.

– А я и есть философ. – Подтвердил его слова попутчик.

– В смысле? – удивился парень.

– В университете психологию читал, профессорскую степень имею. Ну а какой психолог не будет хоть немножечко философом? Вот и получается, что философ.

– Ого! Никогда не любил психологов, – негромко, даже как-то по-заговорщицки, проговорил Степан. – Лезут в душу, копаются там своими ручонками.

– Ты их просто готовить не умеешь, – рассмеялся Константин.

– Я приторможу... Чет отлить захотелось.

– Да я бы тоже не прочь. А Юрка пускай машину постережет, а то если нас и во второй раз ограбят, это уже будет не смешно.

– И не говорите, – согласился с этим заявлением Степан, понимая, что, потеряв машину, он останется голым и босым.

– Постерегу... – пробормотал полусонный парень с заднего сиденья, который сквозь сон слушал все разговоры водителя и своего дядьки.

Степан увидел подходящий съезд с трассы на обочину. Тем более, и кустики годящиеся так удачно росли недалеко от дороги, за которыми так приятно, не подставляя оголившиеся части тела степному ветру, делать свои дела.

– Вот сюда и сворачиваем...

Машина остановилась. Степан повернул ключ в замке зажигания и, выключив двигатель, выбрался из авто. Спина уже начала поднывать от длительного сидения, к тому же вчера, когда Пуля перевернул стол, край его больно врезался в ребра, которые тоже давали о себе знать неприятными ощущениями. На месте удара налился большой сине-лиловый синяк, но ребра по всем признакам сломаны не были. И то дело.

Следом вышел и Константин, тоже морщась, но уже от сегодняшних ушибов. Веселая же компания собралась – все побитые с синяками, как после футбольного матча или «мирного» митинга.

Степан с удовольствием потянулся, покрутил головой, сам не зная зачем, и поспешил к ближайшим кустам, еще стоявшим после зимних холодов голыми с едва-едва появившимися зачатками почек.

Мужчины уже давным-давно как выехали в степной Крым, когда холмы гор, покрытые легкой синеватой дымкой, сменились ровными как поверхность стола просторами. Даже дороги были прямыми, не то что по Инкерманскому серпантину спускаться. Хотя качество дорог оставляло желать лучшего. Все же Степан ехал не по основным трассам, а съезжал по второстепенным дорогам, минуя загруженные участки.

Прошлогодня трава, прибитая зимними дождями, еще была пожухлая – серо-рыже-коричневая, сквозь которую пробивалась молодая поросль, чуть прикрывавшая сырую землю. Изумрудный цвет молодой зелени хоть немного скрашивал скучный весенний пейзаж.

– Что это там? – указал пальцем на непонятный предмет Константин.

Рогов, нахмутив лоб, присмотрелся в указанном направлении. И, действительно, что-то странное маячило внизу, в овражке, под кустами. Что-то черно-серое. Непонятное.

– Сейчас гляну!

Степан, аккуратно выбирая дорогу чтобы не подвернуть ногу, спустился вниз, приближаясь к кустам.

– Ох ё! Твою ж мать! – отпрыгнул в сторону парень, чуть не споткнувшись о не понятно откуда взявшийся под ногами камень.

– Что там?! – кинулся к парню на подмогу попутчик.

– Сами смотрите, а то меня сейчас вырвет.

Константин заглянул под куст и тоже отпрянул – запах разложения сразу же ударил в нос. Труп мужчины. А черно-серое – это свитер и штаны, перепачканные грязью и кровью. Куртки на человеке почему-то не было.

– Ни фиги себе находочка! – проговорил в ладонь, прикрывающую нос и рот, Константин, чтобы хоть как-то огородить себя от тошнотворного запаха.

– Ага. – Степана снова передернуло от воспоминаний об увиденной находке. – Вот сходили пописать. Чуть заодно не покакали. Можете глянуть, что с ним?

– Что-что? Мертвый он. – Отошел подальше от трупа Константин и только тогда убрал руку от лица. – Мертвее не бывает. У него полбашки нету.

– Кто ж его так? – растерялся Степа.

– Слушай, надо бы оглядеться.

– Зачем?

– Не знаю... Просто мне так кажется.

– Ладно... Тогда я там посмотрю, а вы – туда. – Махнул рукой в противоположную от своего направления Степан, хотя не очень понимал, в чем смысл сейчас бродить тут, вдоль дороги.

Степан прошел около пятидесяти шагов, прежде чем обнаружил следующую находку, заставившую его оторопело замереть на месте. На земле в нелепой позе лежала женщина, тоже без верхней одежды, на спине расплылось красное пятно от множественных ранений. Хотя по кучности и размеру входных отверстий, больше было похоже, будто жажнули дробью.

– Что у тебя там?! – крикнул Константин, издали заметив, что Степан остановился.

– Труп! Женский! – крикнул в ответ парень. – А у тебя?

– У меня ничего. Стой там!

Константин махнул рукой и бегом бросился к Степану.

– Н-да... В спину шарахнули. – Изрек он, увидев второе тело. – Только не понятно, почему она не озомбилась?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю... – развел руками парень. – Хотя, если дробью били... могли же несколько дробинок попасть в голову?

– Да вполне... – согласно кивнул Константин Аркадьевич.

– Слушай, я чего подумал... – незаметно для самого себя перешел на «ты» Степан. – Надо бы их похоронить по нормальному. А то так бросать под открытым небом... не по-человечески, что ли.

– Ну, давай! Помоги мне... – кивнул Константин, нагибаясь и беря женщину за холодные синюшные руки.

Мужчины вдвоем отнесли окоченевший труп ко второму трупу. Нести было ужасно не удобно – тело окоченело и казалось неимоверно тяжелым.

– Слушай, а может, обыскать их нужно? Может, хоть имена узнаем... – предложил Константин.

– Вот ты и шарь, а я пока яму выкопаю. У меня в багажнике саперная лопатка где-то была.

Степан быстро взбежал на обочину, где оставил Шевроле, открыл багажник, поморщившись от запаха бензина, и начал выискивать лопатку, пытаясь вспомнить, куда же он ее мог запихнуть. Наконец, парень нащупал чехол, в котором лежала лопатка, и достал ее из багажника.

Рыть полусырую землю было хоть и не очень сложно, но и не просто, хуже было счищать налипший грунт на плоскость лопатки.

– Есть документы! – послышалось справа, где, сидя на корточках, Константин Аркадьевич как раз раскрывал первую книжечку с трезубцем на обложке. – Воробьев Сергей Викторович семидесятого года рождения и ... Воробьева Наталья Ивановна семьдесят пятого. Симпатичная... была.

– Как ты думаешь, за что их? – тяжело дыша от интенсивной работы, спросил Степан, оценивая, достаточно ли глубокой для двух тел получилась вырытая яма. – И кто?

– Кто – можно только догадываться. А за что... Ограбили, скорее всего, выкинули из машины и пристрелили. Они же без верхней одежды. Наверное, печку в машине включили, поэтому без курток и сидели.

– Хреново все как-то. Осторожнее нужно быть. Тебя с Юркой ограбили, этих пристрелили. Времена нынче...

– Поэтому я и говорю – объединяться надо.

– Ладно. Ну все... Более-менее. Не два кубических метра, но поместятся.

Тела аккуратно положили в вырытую неглубокую ямку, засыпали землей, выровняв получившийся холмик, сверху которого положили два предварительно завернутых в целлофан паспорта, прижав их камешками.

– Ну, все. Гражданский долг выполнен. – Поднялся, отряхивая руки, Степан.

– Слушай, я и забыл, чего мы останавливались! – невесело хмыкнул Константин.

– У меня такое ощущение, что теперь лучше не останавливаться. Теперь только на конечной остановке.

– Еще ж к вашим родственникам заехать надо. Вот там и остановимся.

25 марта. 13.00 Окрестности Армянска. Степан Рогов

Незаметно как-то доехали до Красноперекопска, проехав частный сектор и выскочив на дорожную развязку, с высшей точки которой сразу же открылся вид на город.

Небольшой промышленный городок, неожиданно вынырнувший на горизонте, так же погряз в непонятно откуда взявшейся заразе, поглотившей в хаосе и крови один населенный пункт за другим. Степан уверенно держал скорость около шестидесяти километров в час, успевая при этом осматривать окрестности.

На пустынных улицах, по которым медленно бродили ожившие трупы, стояли брошенные разбитые машины, кой-где виднелся черный дым – что-то нещадно горело, магазины, расположенные вдоль трассы, зияли черными провалами разбитых окон. Живых людей видно не было.

Городок, славившийся изобретательностью гаишников⁷, проскочили быстро и безболезненно.

Буквально сразу за выездом из города, справа от дороги показались густые камыши и неприятный болотистый запах – так пахло озеро Старое, богатое солями, в том числе и бромом, который и добывают на местном заводе, чьи развалины живописно дополняли серый и унылый пейзаж. Конечно, завод развалился не сейчас, это происходило постепенно, за двадцать лет «нэзалэжности», но все же завод худо-бедно продолжал работать. Раньше. Теперь же все было глухо как в танке после взрыва.

– Фу, ну и вонь! – скривился на заднем сиденье Юрка.

– Дыши поОпом!

– Очень смешно.

Городок сменился бескрайними полями, по коим с легкостью гулял ветер, просачиваясь через практически выпиленные защитные насаждения, что должны были защищать посевы от ветродуев.

– Ты, Степан, не гони так. – Посоветовал Константин.

– А чего?

– Впереди Армянск, и лучше этот город проселками объехать.

– Зачем? Так ведь быстрее.

⁷ Есть у местных ГАИшников такая фишка – не только из засады вылавливать нарушителей, а еще и патрулировать трассу с включенным радаром, а потом догонять правонарушителя и предъявлять ему счет

– Быстрее-то быстрее, но торопиться нужно только при ловле блох. Ну или когда ты в одних кальсонах, а тут муж вернулся из командировки. Ты ж не хочешь, как те валяться в канаве с развороченной башкой?

– А что, есть опасения?

– Да... – цыкнул губами попутчик и неопределенно качнул головой. – В девяностых здесь менты всех крышевали, так что не удивлюсь, если и сейчас та же ситуация, только несколько ухудшенная. К тому же впереди дорога пересекает канал – уж очень вкусное место для засады. Если попадемся, то засадят по самое небалуйся.

– И какие будут предложения?

– Сверни-ка ты пока с трассы. Остановимся да покумекаем. А вот и спуск есть...

Показал пальцем чуть левее от дороги Константин.

– Ну ладно... Береженого Бог бережет!

Степан немного притормозил и плавно съехал с трассы на грунтовку и направил машину прочь от трассы, стараясь скрыть машину от ненужных глаз. Сделать это на ровной как стол степи было сложно – оставалось только вырулить из поля зрения.

– Черт! Ни тебе холмика, ни деревца... – бурчал под нос водитель.

– Давай во-он туда, – показал пальцем направление Константин, указывая на виднеющуюся вдалеке деревья защитной полосы.

Степан утопил педаль газа и переключил передачу. Двигатель рыкнул, и колеса активнее закрутились, неся пассажиров в нужном направлении.

Шевроле остановили под сенью огромной старой акации, хотя сейчас еще деревья не были в листве, но с такого расстояния, как до трассы, болотно-зеленый внедорожник вряд ли кто разглядит без биноклей.

– Ну так что... Теперь куда? А то мы заехали к черту на кулички... – покрутил головой Степан.

– У тебя карта есть?

– В бардачке!

Константин открыл бардачок и извлек Атлас автомобильных дорог, полистал его, ища подходящую страницу, наконец, остановился на одной из них.

– Так... мы съехали с трассы приблизительно вот здесь. Потом шли прямо.

– Направо мы еще сворачивали, – подсказал Степан, заглянув в раскрытый атлас.

– Угу... Так что мы примерно... Ну, вроде где-то в этом районе. – Константин снова поправил сползшие на кончик носа очки и ткнул пальцем в гладкую страницу карты.

– Вот, вроде, дорога есть.

– Есть. И вот она пересекается с каналчиком.

– А объехать канал никак?

– Не-а. Только искать мост. Это самое уязвимое для нас место, в случае чего. Конечно, можно надеяться на то, что у меня паранойя, но лучше перестраховаться и взять как можно левее от трассы. И то... не лететь на мост со всей дури, напролом, а все же сначала оглядеться...

– Ну, в принципе, я не против.

– Тогда давай потихоньку забирай в сторону вот этого мостика, а за пару километров в ближайшей рощице притормозишь, да мы проверим проезд.

На этом и порешили. Степан повел машину в направлении, по которому предполагалось выехать на место пересечения канала и грунтовки. Конечно, ориентировались на глаз, поэтому слегка проскочили нужное место, забрав слишком налево. Но так было даже лучше – пешком вдоль каналчика, заросшего по обе стороны высокой травой и кустами вперемешку с деревьями, скрытно двигаться было намного проще, чем по голому перепаханному полю, где в случае чего просто негде было бы укрыться.

На разведку отправились Степан с Юркой, который еле уговорил своего дядьку отпустить его. Идти пришлось около часа, но все же все эти игры в Чингачгуков были не зря.

На переправе никого не оказалось, но Юрка кое-что заметил.

– Смотри... – показал он пальцем на землю.

– Чего? – не понял, куда же смотреть Стёпа.

– Ты видишь следы от протекторов. Здесь явно кто-то проезжал.

Степан недовольно скривился.

– Да мало ли кто здесь мог проезжать. И самое главное – когда. След могли оставить еще неделю назад.

– Нет. – Юрка присел на корточки, разглядывая тот самый след на влажной земле. – Смотри, видишь молодую поросль? Если бы проезжали давно, то трава во-первых, успела бы уже вырасти, а во-вторых, выпрямиться. Это раз. Плюс след уж больно свежий. Это два.

– Ну ты прям как Шерлок Холмс... – недоверчиво уставился на примятую молодую траву Степан.

А, может, и прав Юрка? Может, недавно кто и проезжал, осматривая возможные переправы через канал. Тогда нужно быстрее его пересечь, дабы не столкнуться с теми, кто тут катался.

– Ладно, Белое перо, – Степан похлопал парня по спине, – пошли обратно!

Дорога обратно заняла еще час. Солнце уже давно прошло точку зенита и теперь медленно, но неуклонно двигалось к краю небосклона, обагрывая далекие облака, показавшиеся на горизонте. Еще пару часов и начнет смеркаться, а там и ночь наступит...

– Ну что там?

– Да непонятно. Племянш твой говорит, что кто-то недавно проезжал по той дороге. А я даже и не знаю...

– Ты Юрку-то послушай – не зря он последние три года каждое лето проводил в военном лагере для подростков.

– Это что такое?

– Да, группа бывших афганцев организовала собственный бизнес – чтобы молодежь хоть чем-то увлечь. Юрка в первый раз попробовал – понравилось, вот каждое лето и ездил туда. Их там всякому интересному учили, а в нынешних реалиях и полезному. Так что ему лучше поверить.

– Я же говорил! – обрадовался поддержке от взрослого пацан.

– Ну ладно... – пожал плечами Степан. – Но если он не ошибается, то нам лучше как можно скорее проскочить мост, иначе рискуем застрять. Хотя кто его знает, кто там шарился.

– Ну, кто бы не шарился, лучше мы проедем мимо. Так что, парни, по коням!

Мостик проехали без происшествий, никого не встретив на пути. Только вдалеке в какое-то мгновение послышался характерное «тра-та-та» – звук-то над водой разносится далеко... Так что не зря Константин нервничал – интуиция его не подвела.

– Ну, куда там дальше? – поинтересовался маршрутом Степа.

Константин беззвучно зашевелил губами. Водя пальцем по странице автомобильного атласа и, наконец, ответил:

– Так, сейчас езжай по этой тропинке вдоль трассы, потом через канальчик и забирай на запад до первого перекрестка, там направо и вперед. Проскочим Рисовое и будем забирать налево, до залива, и вдоль берега...

– Ты не гони, я ничего не запомню. Лучше давай по ходу пьесы.

Пыли не было – земля была еще достаточно влажная после прошедших дождей, но не настолько, чтобы автомобиль забуксовал. Петляя по полям и лугам и убивая ходовую на бездорожье, на трассу мужчины вышли только возле Ставков, избежав необходимости проезжать через стационарный пост ГАИ, что близ Турецкого вала.

– Хорошо хоть через пост не нужно проезжать... – пробормотал Степан, втопив педаль газа до упора и устремившись вдоль Канала. – А то в случае чего там никаких возможностей маневра.

Дороги на Херсонщине в общей сложности были ужасные, но пока покрытие оставалось более-менее пригодным для нормальной езды. Это дальше, когда дорога повернет на Новокиевку и Копани начнется чудо-аттракцион «проверка вестибулярного аппарата и ходовой части автомобиля». Потому как вроде и трасса областного значения, а по сути – сплошные ямы да ухабы, по случайности чуть припорошенные асфальтом.

Наконец, показался дорожный указатель «Гавриловка Вторая, 2 км».

– Почти доехали... – пробормотал Степан.

– Да, и не верится. Как думаешь, не зря не стали в Армянск заезжать?

– Да фиг его знает! Но проверять все на собственной шкуре как-то не хочется. Тем более, вроде с той стороны стреляли...

Степан немного притормозил и, убедившись в отсутствии встречного транспорта, свернул налево на ведущую к селу дорогу, вдоль которой росли неизменные для Херсонщины тополя, иногда сменяющиеся шелковицей или диким абрикосом. И частенько сельские мальчишки на своих велосипедах приезжали обрывать плоды этих деревьев. Велики вообще в селах были основным средством передвижения, на них гоняли и стар, и млад, рассекая поселки и деревеньки из одного конца в другой.

– Слушай, а ведь если кто перекроет шлюзы канала, то сельскому хозяйству южных регионов придется очень туго. – Решил высказать внезапно возникшую мысль Константин.

– Ты всерьез думаешь, что все это, – Степан кивнул головой, намекая на произошедшее за последние дни, – всерьез и надолго?

– Если бы мне это все просто казалось, то ты бы сейчас в Севастополе окна устанавливал, а я бы в Евпатории читал свою психологию, пытаюсь объяснить студентам то, что и сам толком не понимаю. К тому же весь этот пипец творится не только у нас, а и по всему миру. Смотри!

Мужчина прервался и показал пальцем на столб дыма, показавшийся впереди, чуть за деревьями и отчетливо видный своими серыми клубами на фоне еще светлого неба.

– Дядь, горит что-то... – протянул с заднего сиденья Юрка.

– Поднажми-ка, Степа. Что-то мне не очень все это нравится. Пожар в селе вообще страшное дело. Тем более, в таком маленьком.

Еще бы!

В селах, где во дворах частенько попадаются соломенные скирды, припасенные с лета заботливыми хозяевами и сверху накрытые черной пленкой от дождя. И достаточно одной искре упасть, как может разгореться пожарище, которому труда не составит перекинуться и на хозяйский дом, а при ветре и толике невезения еще и соседские поджечь.

Появившиеся из-за деревьев дома богатыми назвать было очень сложно. Низенькие, одноэтажные с двускатными крышами, они стояли в окружении еще по-зимнему голых деревьев, которые еще не отошли от долгой спячки. Заборы в основном все были невысокие, бетонные, практически все с одним и тем же рисунком, через который было видно все, что происходит во дворах – и не скроешься от соседских глаз. Это городские обычно обносили свои участки двухметровыми исполинскими ограждениями с тяжелыми воротами, которые еле-еле открывались, а здесь, в деревне, все было у всех на виду. Может, поэтому и люди немного чище и проще.

Хотя, с другой стороны, ни гульнуть с чужой женой, ни бухнуть втихаря...

Чем ближе подъезжали Степан с Константином, тем понятнее становилось, что горел чей-то дом, что стоял чуть правее от дороги, ведущей на трассу. Полыхало знатно. Темно-серый дым столбом поднимался к небу, намекая на безветренную погоду, да и запах гари резал ноздри.

– Куда ехать-то дальше? – притормозил на перекрестке Степан, заглядевшись на пожарище. – Где родичи живут?

Было странно и непривычно то, что горит дом, а ни сирен пожарных машин, ни людей... никого. Только треск от огромного, с избу, костра. Хотя нет... вроде, с той стороны от горящего дома виднеются пара фигур.

Не понятно...

– Прямо по дороге, потом направо будет поворот. – Махнул вперед рукой Костя, не зная, а от этого растерявшись, как бы получше объяснить. – Я покажу. Надеюсь, что хоть на соседские дома огонь не перекинется...

– Мож, туда рванем? – предложил Рогов, кивнув в сторону пожара.

– И что? У тебя пожарная машина под рукой есть? Или как?

– Ну, все равно... Может, чем помочь надо?

– Да и без нас там разберутся. Сворачивай тут.

В Гавриловке ничего не говорило о произошедшей во всем мире беде. Нет, не так – Беде. Потому что это была первая всемирная катастрофа после библейского Потопа, если таковой, конечно, был. По улицам все также гоняли мужики на велосипедах, с пастбища возвращались коровы, о чем свидетельствовали свежие лепешки на потрескавшемся асфальте. Возле одного из дворов, в небольшой луже купались гуси, гогоча на всю улицу.

– Как будто ничего и не произошло... – покачал головой Степан, глядя на всю эту идиллию. – И на окраине дом не полыхает... Почему его никто не тушит? Они все махом ослепли что ли? Или приезда пожарки ждут? Так долго ждать придется.

– Да уж. Главное, чтобы они бредням двух не до конца сумасшедших поверили, что мертвяки в городах ходят и живых жрут.

– Это мы что ли сумасшедшие?

– Ну, ты сам посуди. В селе все относительно тихо-мирно... А тут двое приперлись и рассказывают про «там-тарарам» в городах.

– Да ну не может же быть такого, что они совсем не в курсах. А новости? А друзья-родственники-дети в городах? – Отмахнулся Степан. – Хотя... Вот у родичей твоих и спросим. А что за родичи, кстати?

– Отца моего – брат с семьей, – отозвался с заднего сиденья молчавший практически всю дорогу Юрка, теребивший за ухом довольного Буля. Тот прямо-таки млел от этого почесывания, изображая на своей собачьей морде всю гамму эмоций, которые получают собаки при чесании за ухом.

– А кем дядька-то твой работает?

– Когда-то был фельдшером, а потом в ветеринары подался. – Ответил пацан, продолжая перебирать пальцами жесткую собачью шерсть.

– Ну, тогда не пропадет.

– Вот здесь тормози! – махнул рукой Константин.

Степан припарковал Шевроле на придворовой территории, упершись капотом в лавочку возле калитки – благо, места хватало.

– Юрка, вылезай!

– Уже, дядь Кость! – крикнул пацан, выскочивший уже из машины и довольно потягивающийся, разминая затекшие от длительного сидения конечности, а следом за ним и пес выскочил справлять свои естественные надобности, облюбовав ближайший столб.

Улица была широкая, хотя сама дорога едва-едва вмещала в себя две полосы движения, даже полторы, состоявшая из железо-бетонных плит, положенных друг возле друга, отчего при езде на стыках плит машина издавала звуки, свойственные поездам. Эдакое «чух-чух» получалось. А уж на великах по таким дорогам гонять было то еще удовольствие, особенно,

если ты в роли пассажира на железном и жестком багажнике сидишь – синяки на пятой точке были просто обеспечены.

Возле железной цветной калитки с изображенным на ней тюльпаном, были две скамейки, на которых обычно днем любили сидеть старушки, обсуждая последние сельские новости и сериалы, а к вечеру на боевом посту их сменяла любвеобильная молодежь.

– Ну что, пойдём?

– Пойдём. – Кивнул Степан, проверяя на месте ли пистолет, доставшийся в наследство от покойного Мишки.

Мужчины по очереди зашли в калитку, примыкающую к сплошной стене дома, все окна которого выходили только во двор, а за ними и парень, закрыв за собой дверцу на засов.

Степан не понимал, какой был смысл запира́ть калитку на засов, если этот засов с улицы открыть, просунув руку мимо прутьев, было проще простого?

Миновав застекленную веранду, выкрашенную в популярную в селах голубую краску, окна которой были прикрыты по деревенской традиции белыми занавесочками, закрывающими их только до половины. Компания оказалась во внутреннем дворике, затененном серыми шершавыми побегами винограда, вьющимися по железным прутьям столбам, вкопанным в землю. Вот потеплеет, и пойдут новые ростки цепляться своими нежными завитками за перекрытия крыши.

Почувствовав присутствие посторонних, из небольшой деревянной будочки с оббитой жестью крышей выскочила дворовая собачонка непонятной рыже-серо-черной окраски, заливаясь звонким лаем и пытаясь сорваться с цепи, на которую ее посадили хозяева.

– Дядь Коль! – заголосил Юрка, шикнув на пса, чтобы тот заткнулся, но тот и не думал – только звонче лаял в ответ на все увещания пришедшего паренька.

– Где все? – непонимающе пожал плечами Константин, оглядываясь по сторонам.

– А кто все? Кто здесь живет? – спросил Степан, разглядывая небогатое убранство внутреннего дворика – стандартный набор селянина: вилы, лопаты разнообразные, метлы на длинных ручках, сапки-тяпки, даже коса имела, заправленная за балки навеса. Под крышей между шифером и досками виднелась какая-то трава, собранная в пучки – может, лечебная? Чуть правее был виден огромный деревянный ящик и несколько пустых жестяных трехлитровых банок, покрывшихся ржавчиной и со следами желтовато-коричневатой пыли... «Наверное, в этих банках зерно дворовой птице приносили,» – подумал Степан, продолжая с интересом разглядывать дворик.

– Да, дядька его, с женой. И детей двое. Старшая Людка и младший Мишка.

– Дядь Коль!!! Ты где? – продолжал звать родича паренек, но звонкий лай пса заглушал все звуки. – Да заткнись ты уже! – гаркнул на пса Юрка, чей лай уже порядком нервировал, звеня в ушах.

Ох и противные же эти мелкие собачонки! От горшка полвершка, чуть больше кошки, а визгу как от сирены массового оповещения населения.

– Кого там чорты прыгнут? – донесся из недр дома недовольный голос.

– Да мы это! – обрадовался паренек слышавшемуся из дома голосу. – Я – Юрка!

Входная дверь распахнулась.

– Юрка?! Ты что ль? – перешел на русский язык обитатель дома, хотя своеобразный акцент, присущий жителям южных регионов, все равно чувствовался.

На пороге появился заросший бородатый мужик с одутловатым красным лицом, которое выдавало в своем обладателе человека, любящего приложиться к бутылке. А судя по амбре, которое плыло впереди едким облаком, разъедающим глаза, этот самый «дядя Коля» либо только оторвался от стакана, либо от вчерашней попойки еще не отошел. Волосы мужика уже давно не стриженные, взлохмаченные с нитками проступившей седины, торчали в разные стороны.

– Я, дядь Коль. – Подтвердил свои слова Юрка. – Ты помнишь дядю Костю? Матери моей брата...

– Да помню, конечно... Мы тогда на свадьбе твоей мамки с твоим папкой нехило погуляли. – Почесал подбородок Николай.

– Да уж... два выбитых зуба и синяк под левым глазом в суммарной сложности. Так что можно сказать, что погуляли-то точно нехило.

– Ну а яка свадьба та без драки? – усмехнулся в бороду Юркин родственничек.

– Ну, значит, знакомство у вас крепкое и проверенное временем, – тоже усмехнулся Степан.

– А ты кто? – уставился на Степу селянин. – Я тебя не знаю.

– А я Степан. Так, мимо проезжал.

– А-а-а-а.

– Дядь Коль, а где тетя Маша? – не дал возможности задать вопрос Юрка. – Где Людка? Мишка?

Мужик от этого невинного вопроса даже в лице переменился, словно укуса глотнул.

– Машка-то моя... – Мужик горестно вздохнул и смахнул внезапно накотившуюся слезу. – Померла Машка... Вчера схоронили.

– А дети где?! – чересчур эмоционально спросил Константин, у которого перед глазами сразу же пронеслись страшные картины, которые он видел еще в городе. Мирная сельская жизнь абсолютно не вязалась с теми страшными картинами, увиденными ими. – Где дети?!

– Да у кумы дети... – Отмахнулся бородач. – Я их еще позавчера туда отправил! А вы чего здесь?

– Коль, ты совсем что ли не в курсе о происходящем?! – удивился Константин.

– Да в курсе я, в курсе. Машка-то из города эту заразу привезла. Ее в автобусе грызнули, вот она и скончалась, а потом очнулась и полезла кусаться.

– А как...

– Да как-как... – перебил Костю бородач. – Топором. Я с бодуна конкретного был – у соседа теля родилось, вышел водички попить. А тут она бросается на меня с бешеными глазами. Я и сам не помню, как приложил ее по темечку. Потом испугался, что все... закроют меня лет так на десять, а потом уже, когда менты из райцентра приехали и рассказали про непонятно откуда взявшихся мертвяков. Я даже сначала не поверил, да и соседи все откровенно с ментов смеялись, но мною же убиенная жена была живым тому подтверждением. А еще меня даже в кутузку не забрали! Представляете? Сказали только, что от таких бешенных подальше держаться надо и укатили восвояси.

– Ну, так а в селе? Есть у вас зомбаки-то? – допытывался до родича, хоть и косвенного, Константин.

– А я знаю? – задрал голову, почесал шею Николай. – Я жену свою покойную поминал...

– И тут же его голос задрожал, переменявшись. – Как же я теперь без нее-то... Машки своей... – чисто по-бабски заголосил мужик пьяными слезами, абсолютно не стесняясь неожиданных гостей.

Мужчины переглянулись, не зная, что делать.

– Так, Коля, давай приходи в себя, поедем к куме твоей, заберем детишек и произведем обмен информацией.

– Чего? – не сразу понял сказанное родич, глотая соленую воду, льющуюся с глаз.

– Того! Собирайся, давай! Потом попричитаешь...

В машине Юрке пришлось потесниться – все же еще один пассажир, не считая баулов Степана, которые были вытеснены из багажника канистрами с топливом.

Кума Юркиного дядьки жила совсем недалеко – на соседней улице. Хотя в этой деревеньке из-за ее размеров все были друг другу соседями и жили друг от друга недалеко. Той деревеньки то было – пять улиц пересеченных меж собой...

На звук подъехавшей машины, разносившийся в тихой местности как гром, выскочила из отдельно стоящей кухни хозяйка – плотная тетка в теплом байковом халате, поверх которого была одета меховая жилетка, мехом вовнутрь, на ногах женщины были черные калоши, без которых в деревне по весне было просто не обойтись.

Женщина прищурила глаза, присматриваясь к подъехавшей машине, и не узнавала ее – вроде ни у кого из местных такого дорогого автомобиля не было. Максимум – «шестерка» отечественная, дребезжащая как консервная банка, начиненная болтиками, на всех колдобинах местных дорог. Но как только заметила вывалившегося из заднего сиденья Колю, которого все еще шатало от выпитого, то тут же вышла из кухни на улицу, прикрыв дверь, чтобы тепло не выходило на улицу, и направилась к калитке, по дороге загоняя выскочившего большого пса неизвестной породы, чем-то напоминающего овчарку, в огромную деревянную будку с жестяной крышей. Пес, обиженно поджав хвост, сломанный еще во времена былого «щенячества», юркнул в отверстие своего домика, не понимая, почему же на него накричала хозяйка, если он исправно нес свою службу, предупреждая, что ко двору подошли люди с незнакомым ему запахом.

– Коль, цэ ты? – на присущем южным регионам Украины суржике спросила женщина.

– Та я, я! Дэ дети? – последнее слово было сказано на чистейшем русском языке, который неминуемо наложил свой отпечаток на говоре южных и восточных регионов страны.

– Дэ-дэ... В хати, телевизор смотреть!

– Погукай⁸ йих! – оперся на поперечную балку калитки Юркин дядька по отцу.

– А шо такэ? Ты чого прыйшов?

– Та не шо! Погукай, кажу! – рассердился Коля, даже ногой топнул от нахлынувший чувств.

– Та ты проспысь сначала! Пэрэгаром аж сюды нэсэ! Розкомандуався тут! – возмутилась тетка такому тону.

– А ну цыць, кума! Чого розийшлась?!

– Я тоби поцыкаю! Пыв тры дни, Марию погубыв, а тэпэр за дитьмы п»яный прыйихав... Ще й на мэнэ пашэку⁹ розкрывае!

– Та чого ты завэлася на пустому мисци¹⁰?

– Я шо, трахтур¹¹, шоб заводытыся?

– Ну, так и нэ бурчи!

– А я и нэ бурчу! – не сдавалась кума.

– От и нэ бурчи! А дитэй все ж поклич¹²!

На всю эту перебранку из дома, стоявшего напротив летней кухни, выглянул мужик в белой майке и растянутых трениках с одностволкой в руках.

– Людка, хто там?! – уставился на взвинченную жену тот. – О! Колюня, цэ ты? Людка, ты чого голосуешь, як потерпевшая?

Мужик опустил ружье, уставившись на кума и его спутников – явно городских, судя по дорогой машине и одежде, хоть один из мужиков и пацан были сильно побиты.

– Та от жинка твоя розийшлася як Волга по весне.

⁸ погукай (укр.) – позови

⁹ пашэка – если переводить литературно, то «ротяка», ну а более понятно – «хавальник»

¹⁰ мисце (укр.) – место

¹¹ трахтур – трактор (из-за особенностей лингвистики различных регионов, в некоторых словах буква «к» заменяется на «х», а «о» на «у»)

¹² поклич (укр.) – позови

– И ничего я не розийшлася!

– Людмыла, чорта тобі пид пэчинку! – затряс сжатой в кулак ладонью хозяин дома. – Чого ты пащэкуешь¹³, Трясця твойий матэри!

– Ну а чого вин дитэй забирать прыхав, а нэ проспався? Куды я ёму дитэй отдам? Шоб вин и йих топором... – Женщина вдруг расчувствовалась и начала смахивать набежавшие слезы подолом халата.

– А налить человеку рюмку на опохмел, не? От дурна баба! Заходы, Колюня, опохмелышся!

– О! Ото дило! – обрадовался Юркин родственник, открыв скрипнувшую давно не смазываемыми петлями калитку и припустившись на полусогнутых к куму, абсолютно позабыв о других своих родычах. – А то сразу «проспысь, проспысь»!

– Ну, я смотрю, что здесь все как обычно... – растерянно пробормотал Константин, пребывая в некотором ступоре от местного колорита.

– Так что делать будем? – поинтересовался Степан.

– Тут нам делать нечего. У Коли, вроде, все нормально, не считая гибели Марии... Так что поедем лучше уже к твоим. – Константин Аркадьевич повернулся опять к Николаю и крикнул. – Ну ладно, Коль, поедем мы!

– Ага, ну пока... – махнул на прощанье рукой Коля и поспешил за скрывшимся за дверью кумом. Людмила, хозяйка дома, только недовольно покачала головой и вернулась в кухню.

– Ну, поехали.

На обратной дороге, когда уже выезжали из села, дым над пожарищем практически рассеялся, хотя белесая дымка и запах все еще присутствовали.

– Хреново как-то на душе... – вздохнул Константин, потирая ушибленную скулу.

– Ты из-за Коли-то? – повернулся к попутчику Степан.

– Ну да. Непонятно что творится, а ему лишь бы нажраться до поросычьего визга. Детей сплавил и за бутылку. А не дай Бог какой-нить мертвяк в деревеньку забредет...

– Да они там с ружьями, судя по куму твоего родича.

– Да с ружьями-то с ружьями, но в случае чего не спасут они селян.

Снова выбрались на трассу, тянущуюся вдоль канала. В машине повисла гнетущая тишина... Справа от дороги замелькали серые деревья – акации да тополя, которые летом, покрывшись изумрудной зеленью листвы, давали тень для многочисленных рыбаков, уменьшающих популяцию рыбы в каналах. Хотя некоторые участки защитной полосы были вырублены и теперь были словно проплешины среди густой засадки, только пенечки торчали из земли – старые деревья пошли на дрова, а новые так никто и не удосужился посадить.

¹³ пащэкуваты (укр.) – орать дурным голосом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.